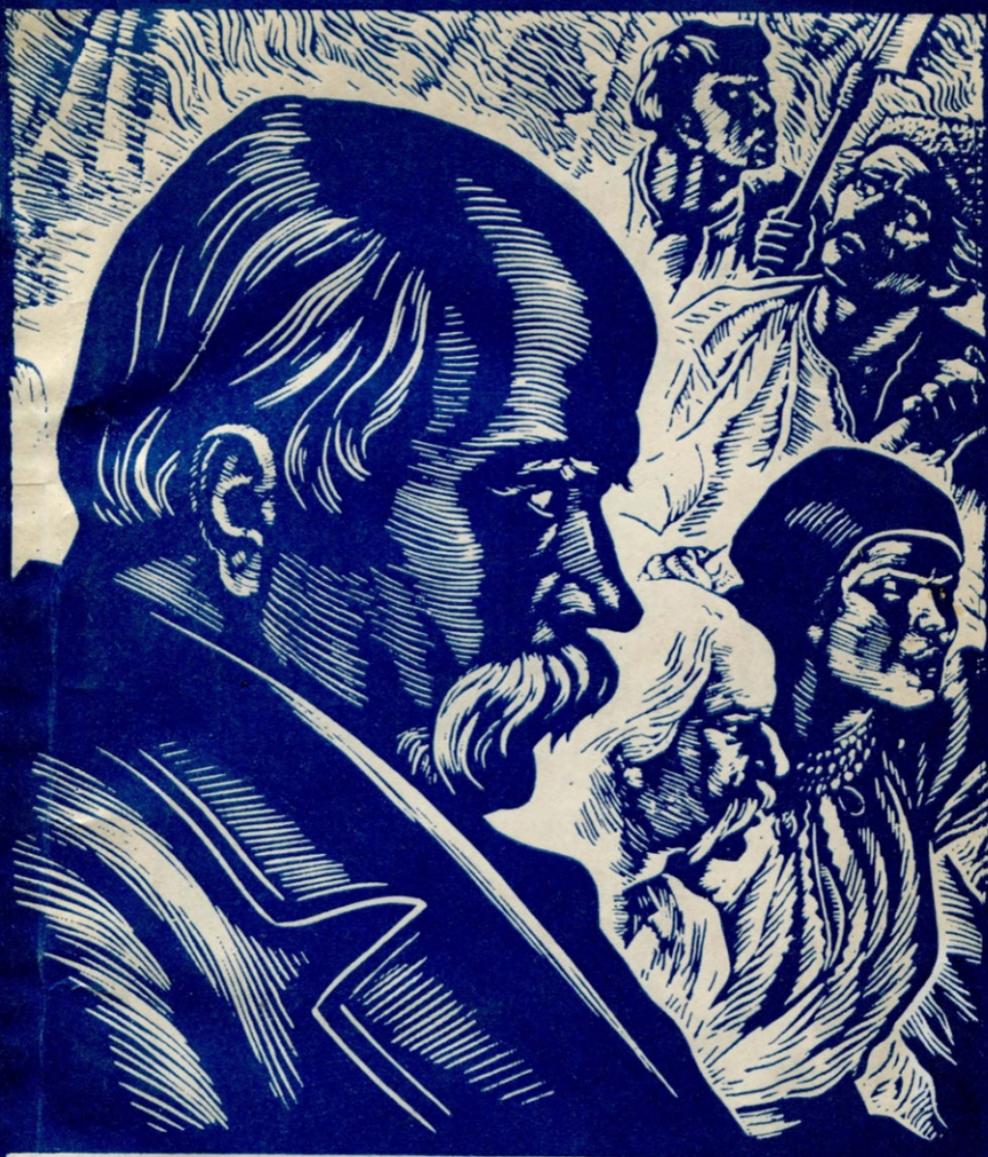

СУДЬБЫ КНИГ • СУДЬБЫ КНИГ • СУДЬБЫ КНИГ

Л. Н. Большаков, В. С. Бородин

ПУТЬ «КОБЗАРЯ»

СУДЬБЫ КНИГ · СУДЬБЫ КНИГ · СУДЬБЫ КНИГ

Л. Н. БОЛЬШАКОВ, В. С. БОРОДИН

ПУТЬ «КОБЗАРЯ»

Судьба книги Т. Шевченко

Москва «Книга» 1978

002
Б 79

Б $\frac{61001-087}{002(01)-78}$ 5-78

© Издательство «Книга», 1978 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Один из обширных залов в Государственном музее Тараса Шевченко на прекрасном киевском бульваре, носящем имя поэта, отдан «Кобзарю».

От первого издания 1840 года до самого-самого нового, вышедшего в последний год, в последний месяц...

На родном украинском, на русском и других языках народов Советского Союза...

На множестве иностранных — тех, на которых говорят Европа, Азия, Америка, Австралия, Африка...

«Кобзарь» — одна из самых знаменитых книг в мире. Сразу по выходе в свет она стала выдающимся событием в украинской, русской, славянской культуре, больше того — во всей жизни украинского, русского, славянских народов.

Уже названием сборника недавний крепостной заявил: он выступает певцом народных масс, трудового люда, к которому принадлежит сам. И высшей наградой автору стало то, что Кобзарем начали называть его. Мы говорим: «Кобзарь» — и перед нами встает полная испытаний жизнь поэта. Мы называем имя Шевченко — и перед глазами возникает прославленная книга, впитавшая в себя его безграничный талант, его невероятные страдания и в то же время истинную негибимость духа борца за свободу. Сила ее воздействия исключительно велика и, что особенно важно, возрастает год от года.

На ста языках звучит сегодня поэзия Тараса Шевченко. «Кобзарь» вдохновлял и вдохновляет художников, композиторов, кинематографистов, драматургов. Его читают и поют, воплощают в живописи и скульптуре, воссоздают на экране и на сцене. Но прежде всего — читают. Только на Украине за годы Советской власти «Кобзарь» выходил 110 раз тиражом 5 миллионов эк-

земляров. Для того, чтобы он стал близок и понятен разноязыкому человечеству, занимались переводами русские советские поэты А. Прокофьев и А. Твардовский, белорусы Я. Купала и Я. Колас, грузины С. Чиковани и И. Абашидзе, литовцы Л. Гира и А. Венцлова, таджик М. Турсун-заде, поляки В. Сырокомля, Л. Солинский, В. Слободник, болгары Л. Каравелов, Д. Методиев, Л. Стоянов, немцы Э. Вайнерт и А. Курелла, венгры А. Гидаш и Ш. Вереш, англичане Э.-Л. Войнич и Д. Линдсей, испанцы С.-М. Арконада и М.-Ф. Гомес, французы Ф. Мазад и Э. Гийевик, румыны М. Садовяну и В. Тулбуре, японец Т. Сибуя и многие, многие другие талантливые представители различных народов. Уместно сказать, что непрерывному росту качества переводов Т. Шевченко в большой мере способствовал своим тонким, глубоким научным анализом переводческого искусства К. Чуковский.

О Шевченко, о «Кобзаре» написано бесчисленное множество книг. Три обширных тома библиографических указателей не смогли вместить в себя даже всего того, что напечатано о поэте в нашей стране. Мировая шевченкиана поистине необозрима. Свою задачу мы видим в том, чтобы дать читателю исследовательский и в то же время популярный очерк изданий знаменитой книги, ее распространения, ее пути к людям. Основное внимание авторы уделяют книгам прижизненным и дореволюционным. Но путь поэзии Шевченко продолжается, и нельзя не рассказать, хотя бы в общих чертах, об этом триумфальном ее шествии.

«Кобзарь» будет жить вечно. Он, как и поэт, бессмертен.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

О том, как появлялся на свет первый «Кобзарь», Шевченко сведений не оставил. Весьма немногочисленны, скупы и свидетельства современников поэта. Чуть ли не единственным источником, на котором до недавнего времени основывались писавшие об этом, были воспоминания Петра Ивановича Мартоса — полтавского помещика, финансировавшего выпуск книги.

Но эти воспоминания появились уже тогда, когда ни самого Шевченко, ни многих из близких ему, особенно в пору появления «Кобзаря», людей в живых уже не было. И, наверное, потому Мартос позволил себе явно преувеличить собственную роль в рождении первого шевченковского поэтического сборника.

Вот как выглядело все в его интерпретации:

«Шевченка я знал коротко. Я познакомился с ним в конце 1839 года в Петербурге, у милого, доброго земляка Е. П. Гребенки, который рекомендовал мне его как талантливого ученика К. П. Брюллова... Я просил Шевченка сделать мой портрет акварелью, и для этого мне надобно было ездить к нему. Квартира его была на Васильевском острове, невдали от Академии художеств, где-то под небесами <...>

Однажды, окончив сеанс, я поднял с пола кусок исписанной карандашом бумажки и едва мог разобрать четыре стиха:

Червоною гадюкою
Несе Альта висти,
Шоб летили круки з поля
Ляшквив-панквив йисты*.

* Гадюкою багровою
Несет Альта висти,—
Воронье чтоб налетало
Вельможных наестся.

— Що се таке, Тарас Григорьевич? — спросил я хозяина. — Та се, добродію, не вам кажучи, як іноді нападуть злидні, то я пачкаю папірець, — отвечал он. — Так що ж? Се ваше сочинение? — Еге ж. — А багато у вас такого? — Та с чималсьнько. — А де ж воно? — Та отам під ліжком у коробці. — А покажіть *.

Шевченко вытащил из-под кровати лубочный ящик, наполненный бумагами в кусках, и подал мне. Я сел на кровать и начал разбирать их, но никак не мог добиться толку.

— Дайте мені оці бумагаи додому, — сказал я, — я їх прочитаю. — Цур йому, добродію. Воно не варто праці. — Ні, варто — тут е щось дуже добре. — Що? чи ви ж не смієтесь із мене? — Та кажу ж, ні. — Скількось возьміть, коли хочете; тільки, будьте ласкаві, нікому не показуйте й не говоріть. — Та добре ж, добре **.

Взявши бумагаи, я тотчас же отправился к Гребенке, и мы, с большим трудом, кое-как привели их в порядок и, что могли, прочитали.

На следующем сеансе я ничего не говорил Шевченку об его стихах, ожидая, не спросит ли он сам о них, но он упорно молчал; наконец, я сказал:

— Знаете що, Т. Г.? Я прочитав ваши стихи — дуже, дуже добре. Хотите — напечатаю?

— Ой ні, добродію! Не хочу, далєбі що не хочу. Шоб ще побили. Цур йому ***.

Много труда стоило мне уговорить Шевченка; наконец он согласился, и я в 1840 году напечатал «Кобзаря»¹.

Что из этого рассказа следует? Да то, что появлением в свет «Кобзаря» обязан не только деньгам Мартоса, но и его инициативе, его настойчивости в открытии поэтического таланта Шевченко, прочтении и отборе

* — Что это такое, Тарас Григорьевич?... — Да это, почтеннейший, простите за выражение, как нападёт подчас тоска, так я пачкаю бумагу... — Так что же? Это ваше сочинение? — Ну да! — А много ли у вас этого? — Да есть порядочно. — А где же оно? — Да там вон, под кроватью в коробке. — А ну, покажите.

** — Дайте мне эти бумагаи домой. Я их перечитаю. — Ну их, почтеннейший. Они не стоят труда. — Нет, стоят — здесь есть кое-что хорошее. — Ну? да не смеетесь ли вы надо мной? — Говорю же вам, нет. — Да ладно уж, возьмите, если хотите; только пожалуйста, никому не показывайте и не говорите. — Хорошо, хорошо!

*** — Ой нет, почтеннейший! не хочу, не хочу. Чтобы еще побили. Ну их.

стихотворений для печати — в общем, в создании сборника, причем чуть ли не против воли автора.

Характерно, что, подчеркивая заслуги собственные, Мартос лишь мимоходом упоминает Евгения Павловича Гребенку, известного в то время поэта и литературного деятеля. Его он представляет исключительно как своего помощника в первоначальном прочтении и приведении «вороха бумаг» в порядок. Только помощника — и никак иначе.

Уже это настораживает сразу. Дело в том, что Е. Гребенка знал о поэтическом таланте молодого художника задолго до Мартоса, сразу же оценил его самообытность и приложил усилия для того, чтобы сделать Шевченко известным в кругу литераторов. В письме к Г. Ф. Квитке-Основьяненко от 18 ноября 1838 г., то есть за год до знакомства Мартоса с Тарасом Григорьевичем, Гребенка, уведомляя о составлении украинского альманаха «Ластівка», писал: «А еще здесь есть у меня один земляк — Шевченко, до чего хорош писать стихи! Как что напишет, только причмокни да ударь руками о полы! Он мне дал хорошие стихи в сборник»².

Речь, несомненно, идет о таких произведениях, напечатанных со временем в названном альманахе, как баллада «Порченая», стихотворения «Ветер буйный, ветер буйный...», «Течет вода в сине море». Тогда же или чуть позднее — и тоже непосредственно от Шевченко — Гребенка получил для того же альманаха стихотворение «Вечной памяти Котляревского», написанное под непосредственным впечатлением известия о смерти творца «Энеиды» и «Наталки-Полтавки».

Очень интересно одно из последующих писем Е. Гребенки к тому же Квитке-Основьяненко, датированное 13 января 1839 г. Оказывается, организатор альманаха не только принял для опубликования произведения Шевченко, но и привлек его к работе как своего «помощника». Так и сказано: «У меня здесь есть чудесный помощник — Шевченко, человек удивительный»³. Конкретный смысл этих слов прояснился после того, как была отыскана И. И. Любовым и описана П. А. Картавовым цензурная (она же и наборная) рукопись альманаха⁴.

Выяснилось, что Шевченко был тогда соредактором Гребенки. Именно им отредактирована, в частности, басня П. Писаревского «Собака и Вор». Шевченковская правка свидетельствовала о поэтической культуре начи-

нающего поэта — сделанные им исправления заметно улучшили текст.

Нет, не Мартос открыл Гребенке поэта Шевченко, а именно Гребенка сделал его известным для многих — прежде всего, для завсегдатаев своего кружка. И. И. Панаев на страницах журнала «Современник» вспоминал: «Я в первый раз увидел Шевченку двадцать четыре года тому назад (в 1837 г. — *Авт.*) на вечере у Гребенки... Он написал тогда уже несколько стихотворений... Малороссийские друзья уже и тогда отзывались об нем с увлечением и говорили, что Шевченко обещает обнаружить гениальный поэтический талант»⁵. Значит, Гребенке и его знакомым поэтические произведения Шевченко были известны еще тогда, когда он был крепостным.

Мы, однако, не можем утверждать, что Мартос узнал о стихотворениях Шевченко также от Гребенки. Но об увлечении юного Тараса, наряду с живописью, занятиями поэтическими он мог слышать (от того же Гребенки, например) и, видимо, слышал еще до того, как посетил Шевченко на Васильевском острове.

Отношения Гребенки и Мартоса в деле выпуска первого шевченковского «Кобзаря» представляются так: инициатива издания принадлежала Гребенке, он привлек в качестве издателя Мартоса, вместе прочли не слишком разборчивые рукописи, отобрали наиболее значительное, систематизировали, после чего в окончательно переписанном виде рукопись была представлена в Петербургский цензурный комитет. Представлена, как явствует из документов, тем же Гребенкой.

Когда Мартос взялся за воспоминания, Гребенки в живых уже не было, слава Шевченко разносилась все шире, каждый считал лестным погреться в ее лучах, а потому издатель первого сборника, не довольствуясь подлинными своими заслугами, приписал себе много лишнего отодвинув других подальше, на второй и даже третий план.

Последующую историю издания «Кобзаря» освещают записи в книгах Петербургского цензурного комитета. В реестре рукописей, рассмотренных в 1840 г., об этом сборнике читаем: дата поступления в цензуру — 7 марта, заглавие — «Кобзарь», малороссийские песни и стихотворения», количество страниц — 20, от кого рукопись поступила — «от г. Гребенки», цензор — Корсаков, дата одобрения — 7 марта, время обратной вы-

дачи — то же 7 марта, получил — Иван Левченко (собственноручная расписка последнего)⁶.

Почти одновременно с «Кобзарем» — 12 марта того же, 1840 г. — поступил в цензуру и альманах «Ластівка». Записи о них в реестре соседствуют.

«Кобзарь» прошел цензуру без каких-либо проволочек. Во многом это объясняется тем, что его рассматривал Петр Александрович Корсаков — журналист, литератор, человек достаточно независимый (его брат был попечителем Петербургского учебного округа и председателем цензурного комитета). Именно по ходатайству брата Корсаков стал цензором в феврале 1835 г. и занимал эту должность до конца жизни. Ему доверял судьбу своих произведений Александр Сергеевич Пушкин; ценили его другие писатели и поэты. «...Литераторы, — свидетельствовал в своих дневниках А. В. Никитенко, — часто употребляют его как свое орудие... Ему многое сходит с рук, от чего не поздоровилось бы другим»⁷.

То, что цензором первой шевченковской книжки оказался именно Корсаков, случайностью не было. Добрые отношения связывали с ним Гребенку, и тот с самого начала стал ориентироваться на знакомого ему деятеля цензуры. Судя по всему, Гребенка сумел расположить цензора к доброжелательному рассмотрению рукописи. Корсаков, например, совершенно не тронул стихотворение «Думы мои, думы мои...», из которого впоследствии, в «Кобзаре» 1860 г., по требованию члена Главного управления цензуры А. Г. Тройницкого было изъято около половины текста. В письме к украинскому писателю Я. Г. Кухаренко от 30 сентября 1842 г. Шевченко так характеризовал Корсакова-цензора: «Бойкий, спасибо ему»⁸. При всех сложностях опубликования поэмы «Катерина» с ее социально-обличительными нотами, послания «К Основьяненко» и поэмы «Тарасова ночь» с их национально-патриотическими мотивами это удалось сделать без серьезных потерь. Не случайно во время следствия по делу Кирилло-мефодиевского общества цензурство Корсакова вызвало явные подозрения и гнев III отделения.

Печатался «Кобзарь» в одной из лучших частных типографий Петербурга того времени — «привилегированной» типографии Е. Ф. Фишера. В производстве он находился примерно месяц. В апрельском (1840 г.) реестре печатных книг Петербургского цензурного ко-

митета обозначено, что цензор Корсаков подписал разрешительный билет на выпуск «Кобзаря» из типографии 18 апреля⁹. Однако напечатана была книга, или, точнее, часть ее тиража несколькими днями (около недели) раньше. Мартос имел экземпляры еще до официального выпуска книги из типографии. Так, например, уже 13 апреля он послал один из них Н. А. Маркевичу. «Прилагаю при сем, — писал Мартос, — изданную мною книгу — прошу покорнейше принять ее. Предлагаю ее Вам как дань Вашему таланту, как любителю всего родного, своего края, своей поэзии»¹⁰.

...Итак, задержки с дозволением на выпуск печатной книжки из типографии не было. Тем не менее выхода книги в свет это пока не означало. На пути к читателю ее ожидали разные преграды.

Вот тут пришло время обратиться к необычному — и еще не так давно неизвестному экземпляру.

Он поведал о многом.

ЗАГАДКА 115-й СТРАНИЦЫ

Юрий Алексеевич Меженко, известный советский библиограф, за свою долгую жизнь искателя собрал богатейшую коллекцию шевченкианы. Все, решительно все, связанное с жизнью и деятельностью Тараса Шевченко, с доброй о нем памятью в народе, привлекало его внимание. Год за годом, в течение нескольких десятилетий, пополнялась эта сокровищница, которая теперь, принесенная в дар Институту литературы им. Т. Г. Шевченко Академии наук Украинской ССР, принадлежит народу и доступна каждому исследователю.

Для Меженко не существовало «маловажного», «незначительного». Но, конечно, он хорошо понимал, что прижизненные издания шевченковских произведений имеют ценность особую. И не довольствовался старый библиограф уже известным, отысканным, а продолжал неустанный поиск, никак не спеша отдавать в печать свой библиографический указатель изданий литературного наследия Шевченко.

В ходе работы библиографу-исследователю пришла мысль: учесть и описать все имеющиеся в Советском Союзе экземпляры «Кобзаря» 1840 г. Был бы моложе — пустился в путь, объездил библиотеки, хотя бы круп-

нейшие, встретился на местах с владельцами книжных раритетов. Но в его лета... Оставалось надеяться на помощь тех, кто понимал значение предпринятого поиска,—прежде всего, работников библиотек. В разные места были отправлены десятки писем.

В начале 1961 г. Меженко получил письмо от сотрудницы Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина Марии Александровны Мельник. Оно взволновало особенно. И это понятно: в нем сообщалось об имеющемся в Ленинграде экземпляре «Кобзаря» 1840 г., содержавшем не сто четырнадцать страниц, как другие, а... сто пятнадцать.

Вскоре Юрию Алексеевичу прислали и фотокопии нескольких последних страниц загадочного ленинградского экземпляра.

Теперь стало возможным сличение тех экземпляров, которые были в распоряжении шевченковедов прежде, и этого, еще недавно неизвестного.

Оказалось, что вновь обнаруженный экземпляр *полнее*. Он содержит строки, которые в обычных, известных экземплярах заменены точками — следами постороннего вмешательства в текст.

Сопоставление вызывало вопрос за вопросом. Ясно было только одно: в истории издания первого шевченковского «Кобзаря» появился неразгаданный — и очень важный факт.

Фотокопий нескольких страничек оказалось недостаточно, чтобы ответить на недоуменные вопросы, больше того — даже сами эти вопросы сформулировать правильно. Заметка, появившаяся в марте 1961 г. в украинской литературной газете, извещала только о самой находке¹¹.

Тогда же по просьбе Ю. А. Меженко один из авторов этой книги, В. С. Бородин, выехал в Ленинград ознакомиться с «загадочным незнакомцем» на месте.

Экземпляр оказался в Отделе редкой книги Научной библиотеки Ленинградского университета (шифр Е. I 4523, инвентарный номер 18786).

Читальный зал... Дежурный библиотекарь Надежда Георгиевна Заикова вручает два экземпляра «Кобзаря», хранящихся в Отделе с особой тщательностью, среди самых дорогих реликвий. Один — «Кобзарь» 1860 г. с дарственной надписью автора Ольге Николаевне Бутковой, а второй... второй тот, ради которого поездка и была предпринята.

Над загадочным 115-страничным «Кобзарем» 1840 г. начинается скрупулезная работа.

Сразу обнаруживаются различия в брошюровке: фронтиспис не перед титульным листом, не на одном развороте с ним, а после него. Есть небольшой разницей в пагинации страниц. Выявляются некоторые текстовые варианты — их немного, но они существенные. Особое внимание привлекают купюры: в ленинградском экземпляре их меньше. В отличие от обычных поэма «Тарасова ночь» помещена в нем полностью; почти полностью, без пяти с половиной строк, воспроизведено послание «К Основьяненко».

Надписи, сделанные в книге, не являются авторскими, больше того — хронологически далеки от времени выхода книги. Например, такая: «М. Разумовский. Студент С.-Петербургского Ун-та I курса. 15 окт. 1906». Говорит она лишь о том, что некоему Разумовскому посчастливилось держать этот экземпляр намного раньше, чем нам. Науку, впрочем, это не обогатило.

...В Киеве в 1961 г. шла подготовка нового академического издания произведений поэта-революционера. Следовало, конечно, учесть и все особенности «Кобзаря». Ленинградцы оказали максимальное содействие, и уже два-три дня спустя были изготовлены большие, четкие фотокопии каждой страницы. Год спустя, в 1962 г. эти фотокопии позволили издательству Академии наук Украины осуществить фототипное издание уникального экземпляра.

В послесловии содержался вывод: 115-страничный экземпляр изготовлен в обход цензуры. Так на обложке и значилось: «фототипия бесцензурного экземпляра издания 1840 года».

С этой трактовкой сразу же согласились, она тотчас вошла в литературу о Шевченко.

Но можно ли было к истории экземпляра не возвращаться, если постепенно обнаруживались все новые сведения?

Первоначальные выводы требовали коренного пересмотра.

Итак, экземпляры не одинаковы: в одном купюр меньше, в другом — больше; первый имеет 115 страниц (1471 строку), второй на страницу меньше — 114, а строк 1429.

Экземпляров с меньшим количеством купюр было, надо полагать, совсем немного. Косвенно свидетельст-

вует об этом уже то, что никогда прежде — до ленинградской находки — они исследователям не встречались. И сейчас рассматриваемый экземпляр остается единственным в своем роде — сведений о других, аналогичных не поступило поныне. Но «нет» — это тоже результат, который со счетов не сбросишь...

«Инв. № 18786» уникален. Однако уже нет сомнения, что, кроме экземпляра, выявленного в библиотеке Ленинградского университета, существовали другие, ему идентичные. Только этим объясняется, например, что О. Сенковский в заглавии своей рецензии на «Кобзарь» поместил такое библиографическое описание: «Кобзарь» Т. Шевченка. СП-бург, въ тип. Фишера, в 12°, с. 115». До находки 115-страничного экземпляра цифра, указанная Сенковским, воспринималась как описка или ошибка. Теперь же мы вправе говорить о том, что у рецензента был именно такой экземпляр.

Неопровержимое подтверждение существования экземпляров с более полным текстом послания «К Основьяненко» и поэмы «Тарасова ночь» — справка о печатных произведениях Т. Г. Шевченко, составленная в 1847 г. в III отделении во время следствия по делу Кирилло-мифодиевского общества. Л. В. Дубельт, рассматривая, наряду с другими произведениями «Кобзаря», также послание «К Основьяненко» и поэму «Тарасова ночь», пересказал и частично процитировал из них именно те строки, каких в обычных 114-страничных экземплярах нет.

О послании «К Основьяненко» управляющий III отделением писал: «Могилы спрашивают у ветров, где казацкие дети, и призывают их. «Не возвратятся,— отвечает море,— они погибли». «Правда,— продолжает автор,— не возвратятся ни свобода, ни гетманы; но слава разгласит, что произошло и чья правда!»¹².

Так — явно тенденциозно, с позиций реакционнейшего ведомства — изложил Дубельт шевченковское послание. Но речь в справке шла несомненно о тех строках послания, которые сохранились только в более полном экземпляре «Кобзаря» — 115-страничном. Приводим их в оригинале и — рядом — в русском переводе:

«Не вернуться!—
Заграло, сказало
Сине море, — не вернуться;
Навіки пропали!»

«Не вернуться!—
Грянули, сказали
Волны в море.— Не вернуться,
Навеки пропали.»

Правда, сине, правда, море!
Такая их доля:
Не вернуться сподівани,
Не вернуться воля,
Не вернуться козачество,
Не встануть гетьмани,
Не покриють Україну
Червоні жупани;
Україна сиротою
Понад Дніпром плаче:
Тяжко, важко сиротині,
А ніхто не бачить...

Правда, море, правда, волны:
Такая их доля!
Не дождемся долгожданных,
Не дождемся воли,
Схоронили казачество
Седые курганы,
Не покроют Украину
Красные жупаны.
Убогая, сиротою
Над Днепром рыдает;
Мук ее никто не видит,
Слез не замечает...

(Перевод В. Державина)

В 114-страничных экземплярах этих стихов нет. Купюра обозначена пятью строками точек.

Поэму «Тарасова ночь» Дубельт пересказывает так: «Автор говорит, что казаки под властью русских, и восклицает: «Украина! Болит сердце о твоей участи! Где твоя свобода, гетманы, казачество? Разве море затопило твои горы, могилы? Они молчат. Плачьте, казацкие дети!»¹³.

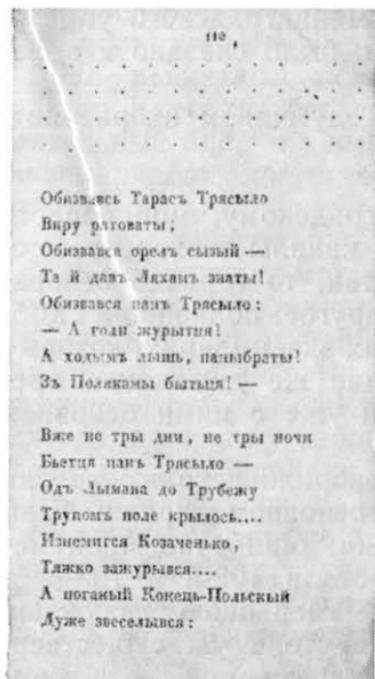
Строки такого содержания мы находим только в более полном экземпляре «Кобзаря» — из обычных они исключены:

Україно, Україно!
Ненько моя, ненько!
Як згадаю тебе, краю!
Заплаче серденько...
Де поділось козачество,
Червоні жупани?
Де поділась доля-воля?
Бунчуки? Гетьмани?
Де поділося? Згоріло?
А чи затопило
Сине море твої гори,
Високі могили?..
Мовчать гори, грає море,
Могили сумують,
А над дітьми козацькими
Поляки панують.
Грай же, море, мовчїть гори.
Гуляй буйний! подем —
Плачте, діти козацькі!
Така ваша доля!

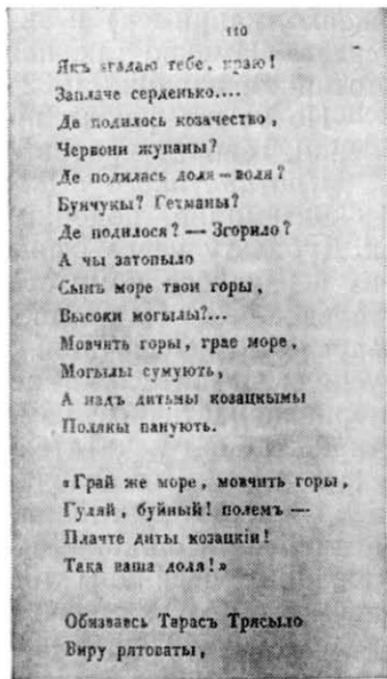
Украина, Украина!
Мать моя родная!
Только вспомню твою долю,
Душой зарыдаю!
Куда делось казачество,
Жупаны цветные?
Куда делась доля-воля,
Гетманы седые?
Где все это? Ушло с дымом?
Или затопило
Сине море твои горы,
Курганы-могилы?
Молчат горы, шумит море,
Курганы тоскуют,
Гнутся дети казацкие
Под вражьей рукою!
Спите, горы! Шуми, море!
Гуляй, ветер, в поле!
Плачьте, дети козацкие,—
Такая вам доля!

(Перевод Б. Турганова)

О том, что на рассмотрении в III отделении был более полный экземпляр «Кобзаря» 1840 г., свидетельствует и сделанный там же прозаический его перевод на русский язык, рукопись которого хранится в Госу-

Страница «Кобзаря» 1840 г.
с купюрой в поэме «Тарасова
ночь»

Та же страница поэмы «Тара-
сова ночь» в экземпляре Ле-
нинградского университета

дарственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве. Перевод этот полностью соответствует тексту экземпляра Ленинградского университета, оказавшегося братом-близнецом того, который был использован III отделением против Шевченко весной 1847 г. в качестве политической улики¹⁴.

Намек на экземпляры «Кобзаря» со 115 страницами можно почувствовать и в строках письма П. А. Кулиша к Шевченко, посланного 25 июля 1846 г. Здесь мы читаем: «...из Ваших произведений в «Кобзаре», самое оконченное и самое народное по складу и простоте есть «Тарасова ночь» (без пропусков)»¹⁵. Кулиш, следовательно, знал и о книге более полной, и о той, которая предстала в урезанном виде — по-другому трактовать его строки нельзя. Осторожность, с которой он говорит об экземпляре «без пропусков», вызывает ощущение, что последний воспринимался им как ускользнувший от цензуры.

Таким, избежавшим цензуры, изданным в обход ее, оказался вначале исследователям (тому же Ю. А. Ме-

женко, например) и экземпляра Ленинградского университета. Именно так, напоминаем, было сказано и в фототипном издании 1962 г.

Но те же факты, при более вдумчивом их рассмотрении, говорят против.

Против такого вывода...

Экземпляр, подобный ленинградскому, мог попасть к Дубельту через официальные каналы — скорее всего, из цензурного комитета. Коль так, то гораздо основательнее было бы предположить другое: полнейший «Кобзарь» был напечатан в нескольких экземплярах, которые успели разойтись, в последующие же дни книга претерпела частичные изменения, и уже с ними основной тираж попал к читателю.

О некоторых отличиях мы говорили вскользь, а они заслуживают внимания. Так, в основном тираже были исправлены ошибки в нумерации: ошибочно пронумерованные страницы 104 и 105 стали 102-й и 103-й, в поэме «Тарасова ночь» строка «Червоною гадюкою» подвинулась справа налево... Не столь уж существенные, на первый взгляд, поправки эти при детальном рассмотрении экземпляров играют важную роль.

В первых, полнейших экземплярах «Кобзаря» заметные купюры сделаны только в поэме «Катерина», а небольшие — в послании «К Основьяненко» (в трех местах здесь исключено в общей сложности пять с половиной строк). В основной части тиража, кроме отрывка, который уже приводился ранее, не оказалось также строк: «Була колись гетьманщина, та вже не вернеться»*, а в самом конце и таких:

Було колись, панували,
Та більше не будем!..
Тії слави козацької
Повік не забудем!..**

Но чем все-таки эти перемены объяснить? Почему произошли новые сокращения — уже тогда, когда какое-то количество экземпляров вышло в свет и получило распространение?

* Была пора гетманщины,
Назад не вернется.

** Была пора — пановали,
Да больше не будем,
Только славы казачества
Вовек не забудем!

(Перевод Б. Турганова)

Совершенно определено на этот вопрос сейчас не ответишь.

На цензурный комитет ссылаться оснований нет: цензор Корсаков без всякой задержки подписал позвольтельный билет на выпуск книги, и «узаконенное число экземпляров» достигло соответствующих учреждений, откуда один из них был в 1847 г. взят на рассмотрение в III отделение.

Мы склонны думать о другом. Мартос, как уже говорилось, еще до официального разрешения на выпуск книги из типографии получил несколько ее экземпляров и одарил ими некоторых своих знакомых. Уже эти, самые свежие экземпляры «Кобзаря», полученные в дар от издателя, вызвали у первых же читателей не только слова похвалы, но и нападки. Так, 24 апреля 1840 г. на вечере у Н. А. Маркевича на «Кобзарь», его издателя и автора, находившихся там же, резко обрушился Н. В. Кукольник, познакомившийся с книгой одним из первых. Стычка не была келейной, напротив, носила публичный характер — ведь Кукольник напал на книгу в присутствии многих: Ф. В. Чижова, О. М. Струговщикова, Ф. П. Толстого, П. П. Каменского, известного своими связями и сотрудничеством с III отделением Ф. В. Булгарина и других. В тот же вечер Н. А. Маркевич в своем дневнике записал: «А Кукольник уже напал на Мартоса, критиковал Шевченка. Уверял, что направление его «Кобзаря» вредно и опасно. Мартос приходил в отчаяние»¹⁶.

Вот это «отчаяние» и стало, по всей вероятности, причиной того, что Мартос, не останавливаясь перед дополнительными расходами на переверстку, решил изъять из «Кобзаря» те места, которые могли обернуться против него как издателя (хотя он и спрятал свое полное имя за криптонимом «П. М — с»).

В III отделении, когда началось рассмотрение дела о Т. Шевченко, Мартоса к ответу не привлекли. Огонь был обрушен на автора, который понес, как известно, жесточайшее наказание. Предполагалось покарать и цензора.

Начальник III отделения А. Ф. Орлов во «всеподробнейшем» докладе Николаю I 28 мая 1847 г., предлагая запрещение и изъятие «Кобзаря», настаивал на строгом выговоре Корсакову. Но ... того уже не было в живых — он умер в 1844 г.

...Да, у экземпляра, принадлежащего Ленинградскому университету, большая, трудная судьба. Но это судьба и

счастливая. Он выдержал все испытания, пережил самые тяжелые времена и уже в наши годы чудесно воскрес — для долгой жизни, для бессмертия.

КНИГА-РЕЛИКВИЯ, КНИГА-РАРИТЕТ

Итак, печатался «Кобзарь» в типографии Е. Ф. Фишера.

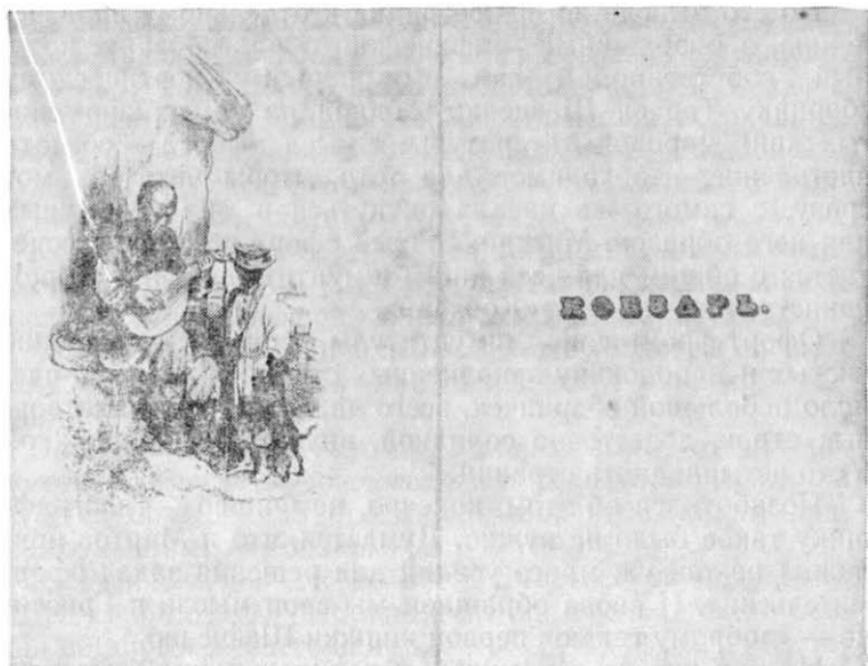
На каких условиях? Условия нам неизвестны. Книга заказов типографии, из которой мы могли бы узнать и о тираже, и о стоимости набора, бумаги, печати, и о том, сколько уплатил типографу издатель, не сохранилась.

Но Фишер был предпринимателем изворотливым, в расчетах с издателями и авторами не слишком честным. Это, например, явствует из опыта выпуска им произведений Г. Квитки-Основьяненко. Надо полагать, что здесь он также преследовал главным образом свой собственный интерес и ни о чем более не думал.

Книжка была выпущена в мягкой бумажной обложке. Этим, в частности, можно объяснить то, что до нас не дошло ни одного экземпляра «Кобзаря» 1840 г. в его изначальной «одежде».

«Книжка была в синеvато-синей, так называемой «немой» обложке, без всякого на ней печатного текста», — характеризовал внешний вид первого «Кобзаря» автор одной из статей, напечатанных к столетию его издания в журнале «Книга и пролетарская революция». К сожалению, И. Букмен, которого мы здесь цитируем, не указал, какой именно экземпляр имел он перед собою. Описание не вызывает уверенности в том, что это был «Кобзарь» именно в первоначальной, а не в какой-то более поздней обложке. Оно противоречит старым библиографическим описаниям, составленным в дореволюционное время библиографами, которым, возможно, попадались на глаза неповрежденные экземпляры знаменитой книги в том ее виде, в каком она вышла из типографии. Если же судить по ним, обложка была иной — во всяком случае не «безгласной». На ней, в частности, значилось: «Издание П. М-са».

Среди всех прижизненных шевченковских изданий это было наиболее привлекательным. Неплохая бумага, удобный средний формат, четкий шрифт, ровный набор, продуманное распределение текста и его частей... Каждое произведение начинается со спуска на нечетной странице.

«Кобзарь» 1840 г. Фронтиспис и шмуцтитул

В поэме «Катерина» — самой большой из опубликованных здесь вещей — со спуска на нечетной странице подан и каждый из пяти разделов. Кроме вступительного стихотворения-запева «Думы мои, думы мои...», все последующие снабжены отдельными шмуцтитулами. Шрифты шмуцтитуллов гармонируют с основным шрифтом книжки... Удачно размещены — на тех же шмуцтитулах — посвящения, которые имеют некоторые из произведений: «Перебендя» («Е. П. Гребенке»), «Катерина» («В. А. Жуковскому. На память 22 апреля 1838»), «Тополь» («П. С. Петровской»), «Иван Подкова» («В. И. Штернбергу»), «Тарасова ночь» («П. И. Мартосу»).

Весьма существенная особенность «Кобзаря» 1840 г. — офортный фронтиспис в начале книжки, выполненный на основе рисунка художника В. И. Штернберга: народный певец-кобзарь с мальчиком-поводырем. Сюжетно рисунок особенно близок к поэме «Катерина» — ее пятый раздел начинается словами:

Шел кобзарь в далекий Киев,
Шел и сел дорогой.
Тут же, с нищенской сумою,
Мальчик чернобровый...

Но это отнюдь не иллюстрация к отдельному произведению, а обобщенный графический образ кобзаря, который, собственно, и дал имя первому поэтическому сборнику Тараса Шевченко — одной из самых знаменитых книг мировой литературы. Смысл офорта — создать настроение, необходимое для того, чтобы читатель мог сразу, с самого же начала окунуться в мир необычных для него образов. Мягкий, сочный офорт органично сочетается с общим для всей книги шмуцтитолом, на котором единственное слово — «Кобзарь».

Офорт-фронτισпис, шмуцтитолы, спуски, соединение чистых и наполовину заполненных страниц — все это сделало небольшой сборничек, всего лишь из 1429 стихотворных строк, достаточно солидной, внушительной книжкой в сто четырнадцать страниц.

Позаботился об этом, конечно, не Фишер — типографщику такое было не нужно. Думается, что и Мартос приложил не так уж много усилий для решения задач оформительских. И снова обращаем мы свои мысли к Гребенке — «доброму гению» первой книжки Шевченко.

Но как тут не вспомнить, что художником был и он сам?

Офорт, выполненный по рисунку В. И. Штернберга, с которым в это самое время автор «Кобзаря» жил в одной квартире, лишь подтверждает заинтересованность его, автора, в том, чтобы оформление в наибольшей степени отвечало духу всей книги, ее образному строю.

Василий Иванович Штернберг умер очень рано, в двадцать семь лет, тем не менее успел проявить себя и как пейзажист, и как жанрист. Исследователи неизменно отмечают его заслуги в развитии реалистического искусства на Украине; по-доброму вспоминают его в Средней Азии и Казахстане, откуда художник привез немало талантливых живописных работ, впервые открывших эти края для многих.

В Академию художеств Штернберга зачислили в 1835 г. — сначала «посторонним учеником», а затем, «по уважению его отличных способностей к художеству и крайне недостаточного состояния», в «сверхштатные академисты второй степени».

Лето в 1836—1838 годах юноша проводил в имени Тарновского на Украине — в тех местах, где бывал и Шевченко. В этих поездках родились картины, отмеченные золотыми медалями и высоко оцененные в художественных кругах Петербурга.

Тепло, сердечно говорится о нем в повести «Художник». «Чудный, бесподобный Штернберг!» — восклицал Шевченко, восхищаясь работами товарища¹⁷. Здесь, в этой повести, имя академического приятеля встречается десятки раз — более, чем любое из имен соучеников. Они дружили, и дружба была крепкой — основанной на общности взглядов, симпатий, интересов.

Кто-кто, а Штернберг не мог не знать о поэтическом творчестве Шевченко. При нем слагались стихи, многие он слышал и читал первым. Так приходится ли удивляться, что именно ему принадлежала честь создания офорта, столь гармонически сливавшегося с шевченковской поэзией?

Выбор художника исходил, скорее всего, от автора. Думается, что и «художественным редактором» был он сам — наиболее четко представлявший себе, каким надлежало стать его «Кобзарю».

Шевченко-художник не мог оставаться равнодушным к Шевченко-поэту — до конца жизни шли они бок о бок, один от другого неотторжимо.

Привилегированная типография Фишера находилась на Итальянской улице, в доме Яковлева близ Екатерининского канала. Во время выпуска книги сюда заходили и Гребенка, и Мартос. Наверняка бывал здесь и автор. Чтение и правка корректуры требовали его участия. О постоянном контроле заинтересованных лиц над процессом издания свидетельствует характер правки.

В экземпляре, который ушел в набор, был подзаголовок: «Малороссийские песни и стихотворения». В готовой книге мы его не находим. Подзаголовок, стало быть, решили снять во время корректуры.

Отдельные ошибки на страницах «Кобзаря» встречаются. Например, на странице 60-й в поэме «Катерина» напечатано «Те в ліс з шляху...» вместо «Та в ліс з шляху...»; на странице 75-й в балладе «Тополь» вместо «А ніхто не чує» читаем «А нікто...». Тем не менее грамотность весьма высока, что свидетельствует и о тщательном чтении верстки.

Все, решительно все свидетельствует против утверждения Мартоса о том, будто Шевченко не проявлял заинтересованности в издании своих стихотворных произведений, что произошло это чуть ли не вопреки его намерениям и только потому, что настойчивый издатель увидел и унес ворох бумаг, находившихся «в коробке под кроватью».

Каким был тираж первого издания «Кобзаря»? В любом случае он не превышал тысячи экземпляров. Большого количества отпечатков не могла выдержать офортная доска. Да и потребности книжного рынка не простирались далее этого количества. Скорее даже экземпляров оказалось несколько меньше — имя Шевченко в то время не было известно никому, кроме немногих близких ему людей.

Однако разошелся «Кобзарь» быстро.

Удалось обнаружить только два объявления о продаже книги — в газете «Северная пчела», номерах за 4 и 30 мая 1840 г. Из них явствовало, что книгопродавцы В. Поляков и В. Заика продавали сборник по рублю серебром за экземпляр.

В зазывной рекламе особой нужды не оказалось: «Кобзарь» на полках магазинов не залежался. Когда в мае 1842 г. учитель из Харькова Филипп Николаевич Королев попросил Шевченко выслать ему «Кобзарь», поэт ответил, что не располагает ни единым экземпляром и уповаает только на повторное издание¹⁸.

Издание сделало Шевченко широко известным. На небосклоне поэзии появилась звезда первой величины. Материальное положение поэта, однако, осталось прежним. Утверждение Мартоса, будто с выходом в свет первой книги у автора «завелись деньжата», решительно опровергнуто весьма осведомленным М. М. Лазаревским. Лазаревский заявил прямо: вознаграждение было непомерно малым, просто мизерным¹⁹. Это вполне согласуется со словами самого Шевченко, который на пороге освобождения из неволи в своем «Дневнике» записал: «Странное, однако ж, это всемогущее призвание. Я хорошо знал, что живопись — моя будущая профессия, мой насущный хлеб. И вместо того чтобы изучить ее глубокие таинства, и еще под руководством такого учителя, каков был бессмертный Брюллов, я сочинял стихи, за которые мне никто ни гроша не заплатил и которые, наконец, лишили меня свободы. . .»²⁰.

Нет, Мартос не был бескорыстен. Оказав услугу Гребенке и Шевченко, он в накладе не остался.

Но, так или иначе, книга получила жизнь.

Успех «Кобзаря» у читателей был поистине огромным. Ни одно из предыдущих украинских изданий не нашло такого отклика, как это. Сразу же появились многочисленные рукописные списки, которые то и дело отыскиваются доньше: в музеях, архивах, библиотеках,

личных собраниях. Они значительно увеличили «тираж» первого «Кобзаря». С небывалой быстротой стихи Шевченко проникали в народные массы. Восемь произведений молодого поэта, недавнего крепостного, немедленно по выходе сборника поставили его на самое заметное место в литературе Украины.

«Эта маленькая книжечка,— отмечал Иван Франко,— сразу открыла как бы новый свет поэзии, прорвалась словно источник чистой, холодной воды, просияла неведомой дотоле в украинской письменности ясностью, простотой и поэтической грациозностью выражения»²¹.

В его первой книге еще не было откровенных призывов к революционному действию—это появится и утвердится в шевченковской поэзии потом, позднее. Но весь он, «Кобзарь» 1840 г., оказался пронизан стихийным протестом против социальной несправедливости, уродливых социальных отношений, весь —от начала и до конца —выражал стремление к свободе, к жизни, достойной человека. В разработке исторической темы молодой Шевченко не избежал известной идеализации прошлого Украины. Глубже уяснит он социальную суть гетманщины некоторое время спустя, в те знаменитые три года («три літа») — 1843—1845, когда, по собственному его признанию, начнет «прозревать». Однако и в первых стихах отчетливо ощущается, что все симпатии поэта — на стороне тех, кого угнетают, кто борется за свои права.

Отклики и рецензии на «Кобзарь» появились почти во всех петербургских журналах и газетах²². Такого прежде не бывало ни с одной книжкой на украинском языке. Даже рецензенты из реакционно-консервативного лагеря, отпускавшие издевательские замечания о «мужицком» языке нового сборника, не могли не признать яркой, самобытный талант молодого поэта.

Во весь голос прозвучало признание «Кобзаря» в прогрессивной русской прессе, особенно в «Литературной газете» (4 мая 1840 г.) и «Отечественных записках» (1840, № 6). Критический отдел последнего издания вел тогда В. Г. Белинский. По мнению ряда исследователей (В. С. Спиридонова, Е. П. Кирилюка, Ф. Я. Приймы и других), Белинскому принадлежала и помещенная в пятой книжке 1840 г. рецензия, в которой «Кобзарь» оценивался особенно высоко, причем как главное достоинство подчеркивались органическая связь произведений с народным творчеством, их истинный демократизм.

... Она очень редка, эта книга — «Кобзарь» 1840 г. Запрещение и изъятие ее после ареста автора сделали первый поэтический сборник Шевченко раритетом еще при его жизни. Обладать реликвией украинской литературы — мечта не только собирателей-книголюбов, не только литературоведов, изучающих жизнь и творчество поэта-революционера, но и многих читателей, желающих воочию увидеть, с чего начинался бессмертный труд.

И знаменитая книга пришла к людям в тысячах и тысячах экземпляров факсимильных воспроизведений.

Впервые такое издание появилось в 1914 г., во Львове. В 1962 г. факсимильную копию вновь обнаруженного ленинградского экземпляра выпустило издательство Академии наук УССР. Фототипное переиздание первого «Кобзаря» осуществил в 1961 г. Оттавский университет в Канаде. В 1974 г. киевское издательство «Дніпро» порадовало читателей факсимильным воссозданием «Кобзаря» в том его виде, в каком он был в большей, основной части тиража. Здесь воспроизведен экземпляр, хранящийся в Отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 1, № 533). Первоначальный тираж составил 25 тыс. экз., но тотчас стало ясно — даже в малой части он не может удовлетворить запросы читателей. Издание пришлось повторить. Как и прежде, факсимильный «Кобзарь» сопровождается предисловием, напечатанным отдельной брошюрой. Сборник стихов Шевченко и предисловие к нему заключены в рядный футляр. Редакция экспериментального художественно-технического оформления и конструирования книги показала образец вдумчивого, любовного отношения к выпуску бесценного памятника литературы.

Первый «Кобзарь» доступен теперь каждому.

«ГАЙДАМАКИ». «ЧИГИРИНСКИЙ КОБЗАРЬ И ГАЙДАМАКИ»

«НАСИЛУ... ИХ УВЕРИЛ, ЧТО Я НЕ БУНТОВЩИК»

«Кобзарь», каким его знает сейчас весь мир, сложился не сразу. Днепровская его полноводность создавалась многочисленными притоками, расширявшими и углублявшими русло бурной реки шевченковской поэзии.

Самым большим из притоков стали «Гайдамаки».

Совсем молодому поэту оказалась по плечу задача необычайной сложности.

Ни анализ произведения, ни исследование его творческой истории в нашу задачу не входит. Об этом написано и пишется много. Мы лишь прослеживаем путь поэзии Шевченко к читателю.

Время завершения поэмы легко определяется по дате под введением к ней: «С.-Петербург. 1841, апреля 7»²³. По своему обыкновению Шевченко писал введение, когда поэма была уже, собственно, готова и перед ним со всей остротой встал вопрос о средствах для ее издания. Он так здесь и пишет: «Кого просить, кто поведет?», т. е. «Кого просить, кто поведет?» По сути, введение — это поэтическое посвящение поэмы конференц-секретарю Академии художеств В. И. Григоровичу. Автор хотел выразить Григоровичу свою признательность за деятельное участие в выкупе его из крепостного состояния и вместе с тем возлагал на него надежды как на возможного издателя «Гайдамаков».

Однако вопреки ожиданиям издателем «Гайдамаков» Григорович не стал.

Не найдя издателя, Шевченко взял всю тяжесть издательских хлопот на себя. Не имея денег для найма типографии, он в начале ноября 1841 г. прибегнул к подписке. В подписных билетах стоимость книги определялась в пять рублей ассигнациями. Подпиской в Петербурге Шевченко занимался сам. На значительное число экземпляров будущей книги подписался, придя на помощь поэту, богатый помещик, владелец большого имения на Черниговщине, меценат Г. С. Тарновский. Из письма Шевченко к Тарновскому от 26 марта 1842 г. явствует, что по «реестру» последнего автор впоследствии роздал эти экземпляры неизвестным нам лицам в Петербурге²⁴.

Если первый сборник его стихов был отдан в цензуру Е. П. Гребенкой, то новую свою рукопись — «Гайдамаки, поэма Т. Г. Шевченка» — в цензурный комитет отнес сам автор. «От кого представлена. — От г. Шевченка» — значится в реестре рукописей, рассмотренных в ноябре 1841 г.²⁵

В цензуру рукописный экземпляр поступил 8 ноября 1841 г. К сожалению, он не сохранился — по крайней мере, не выявлен. Судя по записи в реестре, рукопись была достаточно объемистой — 166 страниц. Корсакову — тому, который рассматривал и «Кобзарь» — понадобилось время, чтобы ее прочесть и принять решение. Девятнадцать дней продержал он «Гайдамаков», но

разрешение на издание дал²⁶. Тотчас об этом стало известно автору, справлявшемуся о ходе своих дел, наверное, не раз. «Получил Т. Шевченко» — оставил он в реестре собственноручную роспись. «Время обратной выдачи. — 1 декабря»²⁷.

Таким был начальный этап продвижения поэмы к читателю.

Первое одобрение, однако, отнюдь не означало, что вопрос решен окончательно. Это подтверждает письмо к Г. С. Тарновскому от 26 марта 1842 г.: «Григорий Степанович! Я думаю, вы меня хорошенько побранили за «Гайдамаков». Было мне с ними горя, насилу выпустил цензурный комитет, *возмутительно*, да и конечно, насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились...»²⁸. «*Возмутительно*, да и кончено» — это не сетования автора на медлительность цензоров, а лаконичное резюме их отношения к произведению. «Насилу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик...» Да, времени для этого потребовалось немало — даже если исчислять его от представления в цензуру (8 ноября 1841 г.) и заканчивать датой письма к Тарновскому: одним из последних мартовских дней 1842 г.

Что же произошло? Почему «было мне с ними («Гайдамаками») горя»?

Как шли дела дальше?

Договор на печатание поэмы был заключен с типографией Сычева (в доме Котомина близ Каменного моста). Типография со своим делом справилась быстро. 1 декабря Шевченко получил экземпляр, а уже через неделю рукопись стала книгой. 8 декабря в письме к Г. Ф. Квитке-Основьяненко поэт писал: «Посылаю вам билеты на «Гайдамаков», раздайте, будьте добры, как умеете, они уже напечатаны. Да... ей-богу, стыдно сказать, не на что выкупить из типографии»²⁹.

Признание, что и говорить, горькое.

В типографской спешке качество набора оказалось не слишком высоким. В том же письме Тарновскому есть приписка: «Поправляйте, будьте добры, сами грамматику, а то так скверно держана корректура, что ну ее!»³⁰. В письме к Квитке-Основьяненко автор сетовал: «... напечатано как попало»³¹.

Значит, поэма была напечатана уже в декабре. Об этом свидетельствует и дата выхода книги на ее титульном листе: «1841».

И все-таки «Гайдамаки» в 1841 г. не вышли. Требовался билет на выпуск в свет, а разрешительного билета цензора не было.

Минул декабрь, наступил новый год, на исходе был март, а тираж все еще лежал в типографии. Забрать его оттуда и пустить в продажу, разослать подписчикам Шевченко не мог.

Корсаков, который почти три недели колебался, давать ли разрешение на печатание поэмы, теперь сомневался в возможности выпуска книги в свет. Уж слишком явным был в ней революционный настрой, призыв к борьбе за свободу, против угнетения. Изъять отдельные строки и выражения? Пользы это принести не могло. Бунтарский смысл поэмы сказывался во всей системе образов, во всем характере изображения крестьянско-казацкого восстания против социального и национального угнетения украинского народа. Можно было либо запретить всю поэму в целом, либо разрешить без существенных изъятий, но с серьезным риском для цензора.

Кому-кому, а Корсакову была хорошо известна еще совсем недавняя история цензурного запрета статьи М. А. Максимовича «Сказание о Колиивщине» — куда более «умеренной», чем поэма Шевченко. Ее признали не отвечающей интересам власти. Министр народного просвещения С. С. Уваров разослал по этому поводу циркулярное письмо попечителям учебных округов. Он сообщал, что обер-прокурор святейшего синода «находит неудобным печатать статью эту, заключающую в себе описание неистовых действий религиозной вражды по поводу унии, преимущественно в тех губерниях, где совершалось описываемое событие, о коем предание еще может быть свежо в памяти старожилы и народа»³². Обер-прокурор Протасов, резко выступая против публикации материалов о «подобных происшествиях», подчеркивал, что их «желательно более изглаживать в памяти народа, нежели возобновлять в ней»³³. Тогда же Уваров наложил прямой запрет на произведения о Колиивщине. До сведения цензоров запрет доводился под расписку. Есть, среди других, и личная подпись Корсакова: знаком, мол, и обязуюсь выполнять³⁴.

Тем не менее он, хотя и не без колебаний, разрешил поэму печатать. Но... не торопился отпечатанное выпускать. Может быть, в это самое время Корсакова перепугал шум из-за дозволенной им к выпуску книги «Наши, списанные с натуры русскими» А. Башуцкого,

которая сразу обратила на себя внимание III отделения. «Действительно,— писал в своем дневнике А. В. Никитенко,— демократическое направление ее не подлежит сомнению. В ней, между прочим, сказано, что народ наш терпит притеснения и добродетель его состоит в том, что он не шевелится. Государь очень недоволен»³⁵. Корсаков опасался, что с выходом «Гайдамаков» неприятности усугубятся.

Однако с книгой Башуцкого все обошлось для Корсакова не более чем «умеренным увещанием». Какое-то время выждав, он решился, и билет на выход поэмы Шевченко в свет был подписан 21 марта 1842 г.

«Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились...»,— писал автор. Не спохватились и не наложили арест — понимать можно только так.

Но нет, книга оказалась в петербургских лавках, а затем и в других краях России. Активно распространял ее сам автор. Посылая экземпляры поэмы в Харьков, Ф. Н. Королеву (шесть для распространения, седьмой — в подарок адресату), Шевченко просил: «Напиши, будь добр, земляче, когда будет время, как там у вас, в Харькове, встретили моих «Гайдамаков», бранят или нет, напиши всю правду, и за всю правду скажет от всего сердца спасибо Т. Шевченко»³⁶.

Он стремился не только шире распространить дорогую ему поэму, но и довести ее до читателей в наиболее полном виде. В экземпляры, подаренные Квитке-Основьяненко, Р. И. Чернявскому и, вероятно, другим, Шевченко собственноручно внес строки, которые убрал цензор.

Как ни жаждал поэт видеть «Гайдамаков» выпущенными в свет, он не позволял себе смягчать те острые места, которые вызывали особую тревогу Корсакова. Точки на месте изъятых строк лишь подчеркивали политическую бескомпромиссность народного поэта. При первой же возможности он заменял точки теми словами, которые и должны были венчать мысль.

«...Пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы — поэт...» Это сказал Шевченко, и сказал сразу после «Гайдамаков». «Пустил я их в люди, а до сих пор еще никто и спасибо не сказал»³⁷,— писал он далее.

Со временем пришли и народное «спасибо», и резкая хула недругов. А главное — в «Кобзарь» влилась поэма огромной силы и страсти.

Бунтарской силы...Бунтарской страсти...

«ЧИГИРИНСКИЙ КОБЗАРЬ»

Сначала документ.

Публикуем его дословно.

«С.-Петербург,

1843 года, февраля 8 дня.

Я, нижеподписавшийся, продал в вечное и потомственное владение мои собственные сочинения с.-петербургскому книгопродавцу Ивану Тимофееву Лисенкову, стихотворения на малороссийском языке: 1) «Кобзарь» и 2) «Гайдамаки», и сим обязываюсь, что, кроме книгопродавца Лисенкова, ни я сам, Шевченко, ни даже никто из моих наследников сего сочинения печатать права не имеет. Следуемые за это деньги сполна получил; ежели же оные сочинения без ведома его, Лисенкова, напечатаю, то обязан заплатить ему, Лисенкову, тысячу пятьсот рублей серебром неустойки, в чем и свидетельствую собственноручною подписью. Т. Шевченко. Свидетелем был В. Семененко-Крамаревский»³⁸.

О контракте было известно, вероятно, не многим. Обнародовали его гораздо позднее, уже после смерти поэта, когда на почве издания шевченковских произведений у Лисенкова возник конфликт с издателем и книготорговцем Д. Е. Кожанчиковым. Вероятно, по настоянию Лисенкова Шевченко скрепил договор еще и надписью на экземпляре «Кобзаря»: «В вечное и потомственное владение передаю право сего сочинения Ивану Тимофеевичу Лисенкову. Т. Шевченко. 1843 года, февраля 8. Санктпетербург»³⁹ и такой же — на экземпляре поэмы «Гайдамаки». Первый из этих экземпляров со временем затерялся, второй — поэма «Гайдамаки» — ныне хранится в библиотеке Государственного музея Октябрьской революции в Ленинграде.

Как познакомился Лисенков с поэтом, сведений нет. Возможно, через того же В. С. Семененко-Крамаревского, который выступал свидетелем; он был товарищем Шевченко по Академии художеств.

Лисенков к тому времени стал довольно колоритной фигурой в книготорговом мире Петербурга⁴⁰. Книжному делу, как и большинство русских букинистов, он обучался с детства, служил мальчиком в лавках, торговал на ярмарках, затем выдвинулся в приказчики, а с 1836 г., уйдя от Глазунова, открыл собственную торговлю — сначала на Садовой улице, потом — в верхней галерее Гостиного двора; в своих рекламах, отличав-

шихся наивной витиеватостью и высокопарностью, он называл эти галереи не иначе как бельэтажем.

Кроме торговли книгами — старыми и новыми, Лисенков занимался делами издательскими. С каждым годом больше, изобретательнее. В газетах все чаще появлялись его объявления о новинках — замысловатые даже тогда, когда речь шла о книгах вполне серьезных — например, об «Илиаде» в переводе Н. И. Гнедича. Особой разборчивости он, впрочем, не проявлял. То выпустит сочинения Булгарина, то нелучшие книжки для детей... Так или иначе, но как издатель он был уже достаточно известен.

В магазин Лисенкова заходили Гоголь, Крылов, Некрасов, многие другие писатели. Шевченко мог видеть здесь невыкупленную шинель Пушкина, заложенную им незадолго до роковой дуэли. Потом эта реликвия погибла, но тогда она привлекала внимание всех и, конечно, украинского поэта, всегда высоко ценившего гения литературы русской.

Здесь, в этом магазине, мог быть заключен и приведенный нами контракт. Сюда доставили 800 нераспроданных экземпляров поэмы «Гайдамаки» — по дополнительному соглашению они также становились собственностью Лисенкова. И тотчас книгопродавец начал рассылать объявления в газеты. 17 февраля объявление появилось в «Северной пчеле», днем раньше — в прибавлении к 38-му номеру «Санктпетербургских ведомостей».

«В книжном магазине И. Т. Лисенкова, в доме Пажеского его императорского величества корпуса, продаются следующие новые издания:

...IV. Гайдамаки. Поэма на малороссийском языке, стихотворение Т. Шевченка. Г. Шевченко владеет прекрасным поэтическим дарованием и пишет на малороссийском языке чудесные стихи. Его «Гайдамаки» есть произведение, проникнутое мыслью и чувством, дышит неподдельным вдохновением и сверкает искрами живой, разнообразной и пылкой фантазии. Если б «Гайдамаки» были написаны на русском языке, то эту поэму должно было бы причислить к числу лучших русских поэм. Цена на веленовой бумаге полагается самая дешевая (в 130 страниц) 75 коп. серебр<ом>».

Видимо, 800 экземпляров поэмы достались Лисенкову за бесценок. Иначе он не стал бы продавать их намного дешевле, чем первоначально оценил автор, и ниже, чем у других книгопродавцев (например, у Ф. В. Ба-

зунова поэму продавали по 1 рублю 43 копейки серебром) ⁴¹.

Лисенков, естественно, рассчитывал на прибыль. Отсюда — желание поскорее убедиться, что приобретенные им книги надежны в цензурном отношении. Несомненно, по его настоянию Шевченко тогда же обратился к Корсакову: «Петр Александрович! Потрудитесь подписать на «Кобзаре» позволение для второго издания. Преданный вам Т. Шевченко» ⁴².

Как видно из реестра Петербургского цензурного комитета, экземпляр «Кобзаря» — для получения разрешительной надписи — туда доставил именно Лисенков. Вот некоторые сведения о прохождении книги в цензуре: «Время вступления.— Февраля 15 <...> Время одобрения или неодобрения.— Февраля 19 <...> Время обратной выдачи.— Февраля 21...» ⁴³.

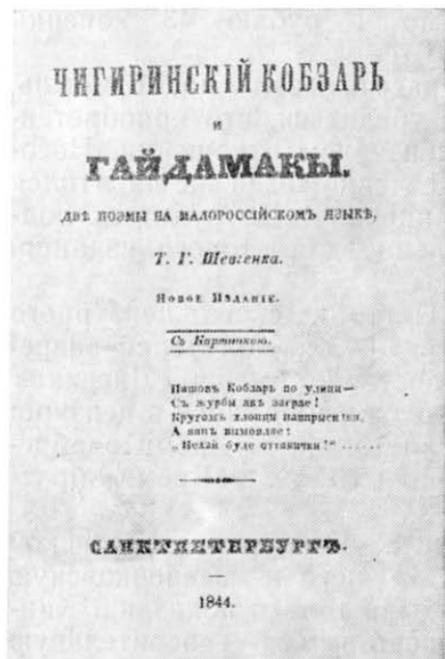
В комитет Лисенков принес «Кобзарь» с авторской надписью об уступке права на него и шевченковскую записку к цензору. Записка была только показана. Книгопродавец не хотел с ней расставаться — «верительную грамоту» он сохранил, как и экземпляр цензурный. Позже и записка, и «Кобзарь» оставались именно у Лисенкова — вплоть до того времени, когда он повел тяжбу о праве на литературное наследство автора «Кобзаря» с Д. Е. Кожанчиковым. Тогда, в 1867 г., вместе с иском они были представлены Петербургской судебной палате ⁴⁴.

Лисенков, как мы знаем, завладел и «Гайдамаками». Пока он хлопотал только о «Кобзаре», собираясь издать его в том же объеме и под тем же названием, что в 1840 г. (О переиздании поэмы речь не шла — не разошлось еще первое, сотни экземпляров которого он получил от автора.) На титуле книги предполагалось добавить только два слова: «Из<ание> второе».

Однако из печати книга вышла с названием другим: «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки. Две поэмы на малороссийском языке».

Чем это объяснить?

Несомненно, тем, что ко времени печатания новой книги, сданной в набор отнюдь не сразу после цензурного разрешения, у Лисенкова еще оставались непроданными экземпляры поэмы «Гайдамаки». Торговля ими шла, судя по всему, не слишком бойко. Тогда Лисенков, мобилизовав свою изобретательность, прибег к неожиданному шагу. Нераспроданные экземпляры поэмы он

«Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». Издание И. Т. Лисенкова 1844 г. Титульная страница

решил объединить с «Кобзарем» под общим названием «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки». Идея механического соединения под одним титулом двух различных книжек, изданных в разное время, была порождена исключительно коммерческими соображениями. Спрос на «Кобзарь» должен был помочь в продаже задержавшихся на полках «Гайдамаков».

Но были и экземпляры нового издания с тем же названием на обложке и титульной странице — «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки», к которым поэма присоединена не была, так что заглавие книги не соответствовало ее содержанию. Один из таких, ныне редчайших экземпляров принадлежит известному шевченковеду члену корреспонденту АН УССР Е. П. Кирилюку.

Тираж нового издания все же превышал число оставшихся у Лисенкова экземпляров «Гайдамаков». Последних для какой-то части «Кобзарей», видимо небольшой, не хватило...

Новый «Кобзарь», ставший по воле издателя «Чигиринским Кобзарем...», был напечатан в типографии Х. Гинце, что в доме Дурыгиной на Невском проспекте, и вышел в свет только в 1844 г. Билет на его выпуск из типографии цензор А. В. Никитенко выдал 17 августа⁴⁵. Между цензурным разрешением на издание и датой выдачи билета на выход уже напечатанной книги оказалось расстояние в полтора года.

Конечно, речи о том, что столько тянулся процесс типографский, быть не может. Вспомним, что первая книжка такого же объема печаталась немногим более месяца.

Новое издание вышло в свет лишь с небольшими отличиями от текста 1840 г.; в нем даже восстановлены три строки, снятые Крсаковым в первом издании. Ряд изменений в заглавиях и расположении произведений принадлежит, по всей вероятности, Лисенкову. Поэму «Катерина», помещавшуюся ранее между «Перебендей» и балладой «Тополь», он отнес в конец. «Чигиринского Кобзаря», заглавие «К Основьяненко» изменил, дав так: «К украинскому писаке». Ничем не оправданное переименование сборника в «Чигиринский Кобзарь» (нигде в книге город Чигирин не упоминается) также следует отнести на счет издателя. По-видимому, оно вызвано причинами сугубо меркантильными — стремлением внушить покупателю, будто перед ним — новая книга ⁴⁶.

В первом «Кобзаре» было 114 страниц. В новом — «Чигиринском Кобзаре» — тот же текст напечатан всего на 47 страницах. Любопытно познакомиться со счетом владельца типографии Х. Гинце за полиграфические работы. Документ свидетельствует о сравнительно незначительных издательских затратах Лисенкова. Он платил типографии за набор и печатание по 22 рубля ассигнациями за лист — таков был договор. За три с четвертью листа это составило 73 рубля. Еще 10 рублей ассигнациями типография получили «за упрочнение» книги ⁴⁷.

Внешним своим видом «Чигиринский Кобзарь» значительно уступал «Кобзарю» первого издания. Его титульный лист, в отличие от строгого и лаконичного титула в «Кобзаре» 1840 г., явно перегружен: здесь и довольно длинное заглавие сборника, и подзаголовок и фамилия автора, и указание: «Новое издание». А кроме всего этого — еще и пять строк из поэмы «Тарасова ночь»:

Пішов кобзар по улиці —
Зжурби як заграє!
Кругом хлопці навприсядки,
А він вимовляє:
«Нехай буде оттакчки!..»*

* Пошел кобзарь по улице —
Да с горя как грянет!
Кругом хлопцы в пляс пустились,
А он подпевает:
«Коли сталося — значит сталося!..»

На обложке четыре слова заглавия набраны четырьмя разными по рисунку и стилю шрифтами, а ниже помещен ксилографический политипаж, ничего общего с шевченковскими произведениями не имеющий. На нем — берег моря с двумя пальмами, около которых расхаживают аисты, вдали виден парусный корабль.

На открывающем книгу шмуцтителе две строки набраны двумя разными, не согласованными между собой шрифтами.

Перед стихотворением «Думы мои, думы мои» помещен полуразбитый ксилографический политипаж — средневековый европейский книголюб в задумчивой позе, со свитком в руке, сидит у книжного шкафа, заставленного тяжелыми фолиантами.

На форзаце — поле битвы (развалины какой-то башни, пушечный ствол, сидящий на нем пеликан, череп, кости; на заднем плане — египетская пирамида).

Особенной заботой об оформлении сборника издатель, как видим, себя не утруждал.

...Нелишне уже здесь прояснить суть конфликта, который разыгрался между Лисенковым и Кожанчиковым много лет спустя; собственно говоря, именно он, широко освещенный в «Судебном вестнике», и дал нам такие источники для воссоздания истории «Чигиринского Кобзаря и Гайдамаков», как текст контракта между Лисенковым и Шевченко, записка поэта к цензору П. А. Корсакову, комментарии издателя-книготорговца и ряд других. Сыр-бор загорелся после того, как вышел в свет «Кобзарь» 1867 г., изданный на средства Д. Кожанчикова. Лисенков публично заявил о своих правах. Через суд он потребовал возмещения «убытков», так как в книгу вошли и произведения, «принадлежащие ему»: поэма «Гайдамаки» и стихотворения из первого «Кобзаря». Дело тянулось долго, но процесс Лисенков так и не выиграл.

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМ «ГАМАЛИЯ»

И «ТРИЗНА»

ОКРУЖЕННОЕ ЗАГАДКАМИ

Первое упоминание о поэме «Гамалия» мы находим в шевченковском письме к Ф. Н. Королеву, датированном 18 ноября 1842 г. «Меня носил проклятуший пароход в Швецию и Данию, — читаем мы здесь. — Плывя в Стокгольм, я сочинил «Гамалию», небольшую поэму, да

как расхворался, что едва привезли меня в Ревель, там малость отошел...»⁴⁸

Ничего более об этой поездке неизвестно: ни о целях ее, ни о сроках; в биографии Т. Г. Шевченко немало еще загадок, и заграничное путешествие — среди совершенно не проясненных.

Письмо — единственный источник для датировки поэмы: октябрь — первая половина ноября 1842 г.

Столь же загадочны строки об этой поэме в другом письме — к Я. Г. Кухаренко; оно было послано в конце февраля 1843 г.: «...Сочинил еще я маленькую поэму «Гамалия»; печатают в Варшаве. Когда напечатают, пришлю...»⁴⁹

Никаких данных о том, что поэма печаталась в Варшаве, у исследователей нет. Неизвестны даже каналы, по которым она могла оказаться в этом городе.

Прежде, чем увидеть свет, поэма должна была получить разрешение цензуры. В конце февраля его еще не было. Больше того, «Гамалию» в цензурный комитет тогда даже не отправили. Запись в соответствующем реестре сообщает, что в комитет поэма поступила 9 марта 1843 г. от «г. Элькана», Корсакову была передана 9 марта и в тот же день тем же Эльканом получена обратно⁵⁰.

Участие Элькана в издании было весьма активным, и потому сообщим о нем хотя бы основные сведения. Александр Львович служил переводчиком в Главном управлении дорог, но больше был известен как фельетонист и театральный критик «Северной пчелы», «Санкт-петербургских ведомостей» и других периодических изданий. В повести «Художник» Шевченко так характеризовал Элькана: «Странное явление этот Элькан: нет языка, на котором бы он не говорил, нет общества, в котором бы он не встречался, начиная от нашей братии и оканчивая графами и князьями»⁵¹.

Возможно, именно Элькан брался организовать издание поэмы в Варшаве, а уже потом, когда это не получилось, развернул деятельность в Петербурге и обещанное автору сделал.

«Он, как сказочный волшебник, везде и нигде», — сказано о нем в той же повести⁵².

Печаталась поэма в типографии М. Д. Ольхина. Шевченко в это время уезжал на Украину. Поэт не смог внести в книгу правку, оговоренную им с О. М. Бодянским во время пребывания — по пути с Украины —

в Москве. В письме к Бодянскому, написанном 6—7 мая 1844 г., он сообщал, что «Гамалия» пошла «не поправленной», так как была напечатана «без него»⁵³.

Отметим, что тематически «небольшая поэма» оказалась очень близкой к опубликованному в первом «Кобзаре» стихотворению «Иван Подкова», в котором поэт обратился к героическим эпизодам морского похода запорожцев в Турцию для освобождения плененных там соотечественников. Она развивала тему, углубляла ее, изображала не только начало похода, но и его завершение.

Хорошо зная, какую популярность приобрел «Кобзарь» 1840 г., Шевченко жаждал новых встреч со своими читателями и почитателями, всей душой стремился к этим встречам.

«Гамалия» — единственное издание до отправки поэта в солдаты, которое вышло в свет без каких-либо цензурных купюр.

...25 марта 1844 г. в «Северной пчеле» появилось объявление о том, что новое «сочинение Шевченки» поступило в продажу.

ПОЭМА О ДЕКАБРИСТАХ

В том же, 1844 г. увидела свет и «Тризна». Впервые ее напечатал журнал «Маяк», поименовав по-другому — «Бесталанный»⁵⁴.

Так пришла к читателю первая шевченковская поэма, написанная по-русски. Пришла, чтобы со временем влиться в «Кобзарь», где сегодня ей принадлежит почетное место.

Если «Гамалия» связана с загадочной заграничной поездкой Тараса Шевченко, то «Тризна» родилась на Украине. Отвечая в 1847 г. на вопрос III отделения об истоках его антимонархической поэзии, поэт заявил: «Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян <...> и все это делалось и делается именем государя и правительства»⁵⁵. В этих словах отразилось идейное, политическое созревание поэта под воздействием знакомства с окружающей действительностью, со многими и разными людьми.

Декабристы овладели воображением Шевченко давно. Представления о них — как о личностях, уже вошедших в историю, и как о живых людях, со всеми их индивидуальными чертами — особенно расширились в Яготине, в семье Репниных. Дни, проведенные здесь летом и осенью 1843 г., ощутимо приблизили Шевченко к тем, кто в двадцатые годы пошел на подвиг ради России.

Сергей Григорьевич Волконский — один из славнейших в этой когорте — был родным братом владельца Яготина Н. Г. Репнина-Волконского, родным дядей Варвары Репниной, с которой Шевченко связала долголетняя дружба. «Запомните это имя, дорогой учитель,— писала княжна о Шевченко своему духовному наставнику Шарлю Эйнару, — оно принадлежит к моему звездному небу»⁵⁶. К ее «звездному небу» с детства принадлежал и Волконский. Весть о том, что его, гордость семьи, блистательного генерала, осудили по первому разряду и приговорили к двадцати годам каторжных работ, не только повергла Репнину в горе, но и вызвала в ней самоотверженную готовность разделить с близким, почитаемым человеком страдания в далекой Сибири. После того, как жена декабриста последовала за мужем, именно Варвара Николаевна приняла на себя нелегкие обязанности воспитательницы сына Волконских. С ними самими Репнины установили непрерывную связь.

В Яготине Шевченко появился благодаря А. В. Капнисту, с которым познакомился за несколько дней перед тем. Из семьи Капнистов к движению декабристов были причастны три брата. Они поддерживали связи со всеми Муравьевыми-Апостолами, с Луниным, Бриггеном, Лорером; у них в Обуховке бывал идеолог и вождь южных декабристов Пестель. Семен Капнист, старший из братьев, незадолго до приезда поэта скончался, но во всех беседах, во время любой встречи незримо присутствовал меж собеседниками.

Нити душевной близости вели из Яготина и окрестных сел к свежим могилам в Сибири и на Кавказе: в неволе или под пулями оборвалась жизнь Александра Одоевского, Бестужева-Марлинского, Ивашева, Лихарева и других. Почти одновременно с Капнистом не стало Никиты Муравьева. До Украины горестная весть дошла лишь несколько месяцев спустя — как раз когда Шевченко был в имении Репниных.

Это, видимо, и стало толчком к возникновению замысла поэмы.

Шевченко горько переживает уход из жизни больших, настоящих людей, знаменовавших собою целую эпоху в истории России; он не видит конца этим невосполнимым утратам, и плачет по ним его муза, и молит живых:

Счастливое братство! Единство любви
Почтили вы свято на грешной земле;
Сходитесь, други, как нынче сошлись,
Сходитесь долго и песнею новой
Воспойте свободу на рабской земле!

Герой поэмы — не Муравьев, не Волконский, не Лунин, но Декабрист, воплощающий в себе все то драгоценное, что видел в декабристах выдающийся представитель нового поколения революционеров — истинно народный поэт Тарас Шевченко.

Автор внимательно следил за продвижением поэмы в печать. В письме к редактору-издателю «Маяка» С. Бурачеку, отправленном, скорее всего, в последние дни марта 1844 г., Шевченко спрашивал о корректуре и торопил с ее присылкой. Но это не избавило поэта от огорчений: его детище претерпело изрядные, притом не безболезненные, вмешательства: частично — цензорские, частично — редакционные, связанные с идейно-эстетическими вкусами тех, кто делал журнал. Многие строки были изъяты, другие «смягчены». Например, строка «Хоть властью суровой возмог укротить» стала звучать: «Законом господним возмог укротить», вполне определенная мысль — «Стать за народ и зло казнить» трансформировалась так: «Стать за добро и зло казнить». Не понравились упоминания «про беззакония людей», и они оказались вытесненными менее определенным: «про злобу и грехи людей»... Такие примеры дает чуть ли не каждая строфа поэмы.

Еще до выхода в свет XIV тома «Маяка» Шевченко убедился: произведение достигнет читателя в неузнаваемо искаженном виде. Вероятно, поэтому он тогда же без промедления затеял отдельное издание.

Печаталась книжка в типографии штаба Корпуса внутренней стражи. Разрешение датировано 3 апреля 1844 г. Уже через неделю цензор Очкин подписал билет на выпуск тиража в свет⁵⁷.

Таким образом, почти одновременно, 1 и 10 апреля, поэма вышла в двух «редакциях», причем в книжке автору удалось провести через заслоны некоторые из тех строк, которые оказались исключены или искажены в публикации журнальной.

Впрочем, без купюр не обошлось и тут.

В поэме сказано:

Скажи мне тайное ученье
Любить горящихся людей,
И речью кроткой и смиреньем
Смягчать народных палачей.

Последняя строка в издании 1844 г. заменена точками.

Непримиримо отнеслись решавшие участь поэмы к той ее части, где герой скорбит об угнетенной царизмом Украине и мечтает о ее будущем:

...О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая?
И ты закована, и я.
Великим словом божью волю
Сказать тиранам — не поймут!
И на родном прекрасном поле
Пророка камнем побьют!
Сотрут высокие могилы
И понесут их словом зла!
Тебя убили, раздавили;
И славословить запретили
Твои великие дела!
О боже! сильный и правдивый,
Тебе возможны чудеса.
Исполни славой небеса
И сотвори святое диво:
Воспрянуть мертвым повели,
Благослови всеильным словом
На подвиг новый и суровый,
На искупление земли,
Земли поруганной, забытой,
Чистейшей кровию политой,
Когда-то счастливой земли.

И в журнальной публикации, и в отдельном издании этого отрывка нет — если не считать строк 237—240 (в данной цитате — 5—8), «милостиво» оставленных, но... с заменой слова «тиранам» совершенно случайным — «строптивым».

В обоих прижизненных публикациях «Тризна» оказалась изрядно покалеченной. В полном своем виде она была известна лишь немногим людям, которые читали ее в списках или пользовались экземплярами с рукописными вставками.

До нас дошли такие вставки, сделанные В. Н. Репниной и опубликованные в «Русских Пропиляях» М. Гер-

шензоном⁵⁸. Но из письма Репниной к Шевченко от 19 июня 1844 г. известно, что одновременно вставки она сделала и в экземпляре, посланном А. Стурдзе. «В моем экземпляре <...> я возобновила все то, что было пропущено, также и в том, который был послан в Одессу, дабы Стурдза Вас бы узнал всего»⁵⁹.

Репнина могла восстановить изъятые строки, поскольку автор подарил ей полный рукописный текст поэмы. Долгое время этот автограф находился в яготинском архиве Репниных, который после Великой Октябрьской социалистической революции поступил на государственное хранение — в архив Полтавы. Во время Отечественной войны многие драгоценные материалы, в том числе «Тризна», писанная рукою Шевченко, погибли. Лишь отдельные отрывки из текста этой рукописи сохранились в названном архиве в копиях, снятых незадолго до военного лихолетья. Опубликованные в 1916 г. собственноручные вставки Репниной в присланный ей печатный экземпляр позволили установить полный текст «Тризны» без каких-либо изъятий и искажений.

Первую и единственную до Великого Октября попытку опубликовать часть запрещенных строк сделали составители сборника «Поэмы, повести и рассказы Т. Г. Шевченка, писанные на русском языке» (Киев, 1888). Надежды на успех у них было мало. Затея не удалась вовсе: «крамольные» строки выловили даже в предисловии. Опубликовали их значительно позднее, уже в 1914 г.

В предисловии к изданию, в котором «Тризна» воспроизводилась в менее урезанном виде, редакторы отмечали, что у них был список поэмы «постороннею рукою <...> с заглавием руки самого поэта»⁶⁰. Это позволяет раскрыть источник, по которому издатели безуспешно пытались восстановить запрещенные строки. Это список, на первой странице которого рукою поэта написано: «Поэма. Т. Шевченка»; им же внесено несколько слов и в текст. На одном из листов рукописи отдельно переписан тот отрывок, который мечтали опубликовать издатели сборника в 1888 г.

В полном виде «Тризна» пришла к читателям только в годы Советской власти. Впервые это произошло с появлением первого тома Полного собрания произведений Т. Шевченко (1935 г.).

С тех пор поэма издавалась и переиздавалась много раз.

ЗАПРЕЩЕНИЕ И ИЗЪЯТИЕ «КОБЗАРЯ»

«КОБЗАРЬ» ПОД СЛЕДСТВИЕМ

Шевченко мечтал о новом издании «Кобзаря».

Мечтал о нем и его готовил.

8 марта 1847 г. в Седневе было написано предисловие. Оно начиналось словами: «Випускаю оце в люде другого «Кобзаря» свого...»⁶¹.

«Другого» означает *второго*. А это... это значит, что автор не принимал во внимание изданный Лисенковым «Чигиринский Кобзарь...» — перепечатку «Кобзаря» 1840 г. Поскольку в 1843 г. Тарас Григорьевич вынужден был продать издательские права на «Кобзарь» и «Гайдамаки», распоряжаться поэмой и произведениями, вошедшими в первый сборник, он уже не мог. Не мог включать их в новое издание — затевалось оно не у Лисенкова, а в Киеве, с помощью Н. И. Костомарова.

Речь шла о книге еще не публиковавшихся произведений. Предполагалось включить в нее поэму «Ведьма», баллады «Русалка» и «Лилея», переписанные автором в ту же тетрадь, что и седневское предисловие, а также некоторые поэмы и стихотворения из сборника «Три літа» — те, конечно, которые могли выдержать строгий контроль властей; помнить об этом жизнь уже научила.

Но издание не состоялось. Разгром Кирилло-мефодиевского общества, арест поэта близ Киева, во время возвращения из Седнева, 5 апреля того же, 1847 г., перечеркнул все планы, сорвал и смел литературно-издательские замыслы, сделал Шевченко «политическим преступником», лишенным всяких прав, в том числе права творить. До ареста его произведения издавались на общих основаниях. После процесса над кирилло-мефодиевцами «Кобзарь» был запрещен и изъят, более того, автору запрещена была всякая литературная деятельность. «Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора. А бездушные исполнители приговора исполнили его с возмутительной точностью», — записывал он впоследствии в «Дневнике»⁶².

В III отделение Шевченко был доставлен 17 апреля. Его произведения оказались там раньше — в первые апрельские дни, вместе с бумагами арестованных кирилло-мефодиевцев. Начальник штаба корпуса жандар-

мов генерал-лейтенант Л. В. Дубельт вел следствие лично и к моменту встречи с поэтом достаточно полно познакомился с наиболее революционными его стихотворениями — «Сон», «Кавказ», «И мертвым, и живым...», «Завещание», содержащимися в списках В. М. Белозерского и Н. И. Костомарова.

«Исследование» рукописей, изъятых у Шевченко при аресте, особенно его сборника «Три літа», он также взял на себя. Оставленный затем в деле III отделения как вещественное доказательство, этот сборник на многих страницах сохранил следы карандаша Дубельта. В этом может убедиться каждый, взяв в руки «Три літа», изданные способом фототипии. В тексте отчетливо видны многочисленные подчеркивания, пометы «NB», змейки на полях⁶³.

Ко времени рассмотрения произведений Шевченко в III отделении уже сложилось представление о целях и задачах Кирилло-мефодиевского общества, его антиправительственной политической направленности. В докладе Николаю I 28 марта 1847 г. указывалось, что «Гулак (у которого были изъяты многие бумаги.— Авт.) и переписывавшиеся с ним лица питают образ мыслей, враждебный нашему правительству <...> Малороссию и все славянские племена ложно представляют себе в угнетенном и самом бедственном положении, выражают пламеннейшее желание избавить, особенно Малороссию, от этого положения...»⁶⁴. Тут же подчеркивались антимонархические, республиканские идеи программного документа общества — «Закона божьего». В последнем, значилось в докладе, «доказывается, что царская власть противна законам божеским и природе человеческой, что люди все равны и должны управляться только старейшинами, что от монархического правления происходят одни бедствия и страдания...»⁶⁵.

Дубельт старался отыскать эти мотивы и в шевченковской поэзии. Особенно рьяно выявлял он национально-освободительные идеи в стихотворениях «Чигрине, Чигрине», «Гоголю», «Разрытая могила»; жандармский начальник старательно обозначил в автографах места, которые противоречили официальной концепции «благоденствия» народов, в данном случае — украинского, под скипетром российского монарха.

Особенно много помет Дубельта на страницах, где переписана поэма «Сон». Сплошными линиями, идущими вдоль всего текста, выделены здесь остросатириче-

ские сцены приемов в царском дворце, гротесковые портреты царя, царицы и придворной знати.

Вот где рай-то! Блюдолизы
Золотом обшиты!
Сам по залам выступает
Высокий, сердитый.
Прожаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой,
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.
Это ты и есть богиня?
Горюшко с тобою!

(Перевод В. Державина)

Во время ареста у Шевченко не было обнаружено ни программных документов разгромленного общества, ни перстня с изображением Кирилла и Мефодия. На все вопросы, касавшиеся общества, он отвечал решительным незнанием. Но сами его произведения, оказавшиеся в руках следователей, давали более чем достаточно материала, чтобы обвинить поэта в неблагонамеренных мыслях и действиях, в призывах к свержению царствующего дома.

Твердо и окончательно сделав вывод о «возмутительном» характере творчества нового узника III отделения, Дубельт в тот же день, когда поэт был к нему доставлен, пополнил дело письменным обзором собственноручных его рукописей, в котором дал беспелляционную оценку политического направления произведений, исполненных, по его мнению, противозаконных и «возмутительных» мыслей.

«В стихотворении «Сон»,— писал Дубельт,— Шевченко представлял себя заснувшим и перенесенным сначала в Сибирь, потом в Москву и, наконец, в С.-Петербург. В Сибири он видит преступников в рудниках и цепях, гибнущих под ударами наказаний, в Москве описывает изнурение войск на параде, а в С.-Петербурге— собрание во Дворце. Нигде клеветы его столько не дерзки и не наглы, как при описании Дворцового собрания. В этом собрании по его словам, ждали государя императора с трепетом, и когда он вышел— «Ось и сам высокий, сердитый выступает», все вельможи, молча, окружили его; разговор шел об отечестве, петлицах и последних маневрах; каждый старался стать ближе к императору, чтобы удостоиться получить от него по-

щечину или хотя полпощечины; государь подошел к самому старшему, ткнул его в лицо; вельможа с своей стороны ткнул следующего за ним, этот следующего, и таким образом толчок сверху обошел всех от первого до стоявшего у дверей; а в собрании раздалось: ура, ура, ура! В другом месте казаки у него выражаются: «О царю поганый, царю проклятый, лукавый, аспиде несытый!» Шевченко прибегает ко всем едким и пасквильным выражениям, где только касается государя императора...»⁶⁶.

Дубельт всюду подчеркивал, прежде всего, антимонархическую направленность творчества поэта. В то же время отчетливо видишь, как фальсифицировал царский приспешник глубоко демократическое содержание его патриотических произведений. Протест против национального угнетения украинского народа царизмом он в своем обзоре квалифицировал как проявление антирусских тенденций автора — чего на самом деле в его поэзии не было. Дубельт умалчивал о том, что ответственность за угнетенное положение Украины Шевченко возлагал как на русские, так и на украинские господствующие круги. Верхи, но не народы!

Совершенно правильно отмечая общий оппозиционный, антимонархический характер шевченковских произведений, Дубельт почти начисто обошел молчанием его острейшие социальные мотивы.

В поэме «Сон» он отметил карандашом такое место:

А здесь — в этом рае, что ты покидаешь,
Сермягу в заплатках с калеки снимают,
Со шкурой дерут, одевать, обувать
Княжат малолетних. А вон — распинают
Вдову за оброки; а сына берут,—
Любимого сына, последнего сына,—
В солдаты отраду ее отдают,
А вон умирает в бурьяне под тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.

(Перевод В. Державина)

Чем могли привлечь внимание Дубельта эти строки? Беспощадным разоблачением нравов крепостничества! Однако в письменный отзыв они не попали. Не потому, конечно, что одному из главных жандармов хотелось «уберечь» Шевченко. Подчеркивать в его поэзии социально-освободительные мотивы и резко отрицательное отношение к социальным основам самодержавно-помещичьего строя не входило в планы III отделения,

не отвечало интересам следствия по делу Кирилло-мефодиевского общества. Хотя и не было у следователей каких-либо сомнений в антиправительственном характере этого общества, откровенно признать развертывание освободительного движения на украинской земле они склонны не были. В итоговых документах по делу общества оно, вопреки фактам и первоначальным выводам следствия, было представлено в выгодном для властей свете — чуть ли не как верноподданническая организация панславистского направления. Однако пламенную революционность шевченковской поэзии уяснили в полной мере. Судить о том можно по вынесенному поэту приговору — жестокому, беспощадному...

Занимались в III отделении и ранее изданными книжками поэта. Судить о том позволяют записи в журнале следствия. Начали с первого «Кобзаря», потом обратились к «Гайдамакам» и другим поэмам. В каждой строке Дубельт старался выискать скрытый, тайный смысл. Трудно, например, найти аллегории в «Катерине», но и тут они были отысканы: «Мысль поэта, кажется, была та, что казаки-запорожцы, как брошенные обольщенной и презренной матерью сироты, остались в степи, без отечества, с горем и нищетою»⁶⁷. Этот пример достаточно выразительно иллюстрирует своеобразный метод рецензирования, примененный не только к «Катерине», а и к другим произведениям. Политическую аллегорию Дубельт увидел в стихотворении «На что черные мне брови...». Он писал: «Элегия заключает в себе сетование обманутой девицы <...>. Смысл этой элегии объясняется в послании к Основьяненко». Характеристика же послания «К Основьяненко» начиналась в рецензии таким, явно тенденциозным, изложением его смысла: «Сирота — Украина: она плачет и никто этого не видит; лютый враг смеется над нею, все погибает. «Тяжко жить с русскими, бороться с ними нет силы»⁶⁸. Таким образом, девушка в стихотворении «На что черные мне брови...» в трактовке Дубельта — это аллегорический образ сироты-Украины, а ее жалобы — упреки одного народа другому. Даже сугубо лирическая песня традиционно-романсового содержания под пером Дубельта превращалась в идеологически вредное, враждебное режиму произведение, которое якобы подтачивало фундамент политики царизма на Украине.

Прочтение «Кобзаря» в III отделении было явно тенденциозным. «Думы мои, думы мои» Дубельт вос-

принял не как стихотворение-запев, в котором выражены настроения и чувства поэта перед изданием книжки, а как рассказ некоего певца-кобзаря о самом себе. В этом «рассказе» неодобрительно замечал он, кобзарь выражает мысль о том, что ему «не хотелось петь вне родины, в снегах, и он оставляет свои песни на Украине, где была свобода и где теперь над выросшею могилою сторожит черный орел». «Там,— вел далее цепь своих догадок жандарм,— песни его найдут привет и славу, а он, скрытно от врагов, поливать будет слезами чужое поле, пока не засыпят его чужим песком»⁶⁹. О поэме «Перебендя» говорится, что в ней «слепой бандурист грустит и поет в степи о былом и об уничтожении Запорожской Сечи»⁷⁰. В таком же духе трактуются в материалах следствия и другие шевченковские произведения.

Дубельт рассматривал опубликованное, прошедшее через официальную цензуру и, значит, косвенно упрекал тех, кто разрешил выпуск книжек в свет.

«Рецензии» III отделения легли в основу итогового доклада Николаю I. Шевченко была вменена в вину исключительно его литературная деятельность: «Художника Шевченко, за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский Отдельный корпус, с правом выслуги, поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений»⁷¹. Одновременно предлагалось запретить и изъять шевченковского «Кобзаря», а вместе с тем — наказать цензоров, которые разрешили выпуск в свет сборника стихотворений Шевченко и книжек других кирилло-мефодиевцев (Костомарова, Кулиша). Царь все эти меры одобрил. Против строк о Шевченко он добавил: «Под строжайший надзор и с запрещением писать и рисовать».

Это произошло 28 мая 1847 г. 30 мая начальник III отделения А. Ф. Орлов секретным письмом уведомил о «монаршей воле» министра народного просвещения С. С. Уварова. Еще через два дня, 2 июня, Уваров разослал циркуляр по цензурному ведомству — новых изданий запрещенных произведений Шевченко, Костомарова и Кулиша не допускать. Одновременно он требовал усилить внимание к литературным произведениям вообще, иными словами — еще старательнее выкорчевывать из

них всякое «инакомыслие». В конце июня министр народного просвещения получил еще одно секретное распоряжение — запрещалось помещать в печати какие-либо объявления о «Кобзаре» и других книжках, на которые пал царский гнев.

Повеление Николая I было направлено к тому, чтобы вытравить в народе самую память о мужественном поэте-борце, который осмелился вознести свой голос против самодержавия, крепостничества и национального угнетения.

Литература вступила в пору жесточайшего террора.

ПРИГОВОРАМ ВОПРЕКИ

Шевченко отбывал солдатскую службу в отдаленных, суровых местах Оренбургского края, книги же его оставались для властей и их прислужников врагами, с которыми надлежало вести борьбу не на жизнь, а на смерть.

Всюду были циркуляры об изъятии крамольных изданий. Всюду должны были помнить: обнаружен «Кобзарь» — уничтожь его или спрячь подальше.

8 ноября 1853 г. пристав третьей части Петербургского полицейского управления, изъяв у некоего дворянина Дмитрия Дзегановского принадлежавшие ему книги, одну из них выделил особо и препроводил «на зависящее распоряжение Комитета внутренней цензуры». То было первое издание «Кобзаря». Как значится в журнале цензурного комитета, его определили «приобщить к делу»⁷².

Преследуемый, гонимый царизмом, «Кобзарь», вопреки всему, оставался с людьми. Печатных экземпляров было мало, но на их основе возникали рукописные. В списках распространялись отдельные стихи и целые сборники. Убить Поэзию не могли никакие репрессии царизма. Шевченковское слово продолжало звучать на Украине, в России, в Польше — в столицах и городках, в военных поселениях и деревнях.

Становились известными произведения новые. Лишенный права писать, Шевченко и в Орской крепости, и на Аральском море, и в Оренбурге продолжал создавать стихи, поэмы. Об издании не приходилось даже мечтать, но творчество было для него не только глубочайшей потребностью души, а и протестом против царского произвола. Записывая строку за строкой, он под-

тверждал свои же слова: «Страдаю, мучаюсь, но не каюсь!»

Одна за другой возникали его «захалавные книжечки» — потаенные рукописные сборнички «невольничьей поэзии».

«Халава» — голенище сапога. Самодельные книжечки поэт от постороннего глаза прятал за голенища — отсюда распространившееся их название.

За исключением двух-трех фрагментов (среди них — довольно большая антикрепостническая поэма «Княжна»), «захалавные книжечки», к сожалению, не сохранились, но роль свою, важнейшую в судьбе «невольничьей музыки» Шевченко, выполнили сполна. На третьем году ссылки, вернувшись из Аральской описной экспедиции в Оренбург, Шевченко из «захалавных книжечек» переписал написанное в новые маленькие самодельные книжечки. Их набралось двадцать семь. Соединенные вместе, переплетенные первоначально, по свидетельству И. С. Тургенева (видевшего рукопись в 1859 г.), «в простой дегтярный товар»⁷³, они составили знаменитую «Малую книжку» поэта — первый свод его стихотворений и поэм 1846—начала 1850 г., один из важнейших источников шевченковского текста.

Недавнее факсимильное издание «Малой книжки» Издательством Академии наук Украины⁷⁴, с предисловием известного шевченковеда члена-корреспондента АН УССР Е. С. Шаблювского, сделало один из наиболее драматических документов трудной творческой судьбы поэта доступным каждому.

Ссылный поэт творить мог только тайком. Друзья-доброжелатели, прячась от «недреманого ока», умножали количество списков. Никакие действия царских слуг не могли заставить поэта и поэзию умолкнуть.

«КОБЗАРЬ» 1860 ГОДА

ЗАПРЕТ ОСТАЕТСЯ В СИЛЕ

«Как-то примут земляки мои мою невольническую музу?..»

Это из шевченковского «Дневника» — записи, сделанной 6 марта 1858 г., в канун выезда из Нижнего Новгорода.

Он отправлялся в Петербург, строя радужные планы активной творческой деятельности.

... Освобождение из ссылки — после десяти лет жестокой солдатской неволи — пробудило в Тарасе Григорьевиче надежду на новое издание его произведений. Возвращаясь из Новопетровского укрепления — «незапертой тюрьмы» на берегу Каспия, он не раз задумывался над этим, и на дневниковых страницах появлялись отголоски его раздумий.

Задержавшись — не по своей воле — в Нижнем Новгороде, Шевченко начинает, а в Москве, весной пятьдесят восьмого, продолжает переписывать свою «невольничью поэзию», готовя ее «для печати»⁷⁵.

Четкого плана издания у поэта пока нет. Но из «Дневника» явствует, что он думал о *сборнике новых, не опубликованных ранее стихотворений и поэм*. Хотелось не просто напомнить о себе почитателям его поэзии, но и поведать им свои раздумья в суровые, страшные годы изгнания.

«У меня много кое-чего собралось за десять лет и не знаю, что мне делать с этим, как это все пустить в люди», — читаем в письме к П. Кулишу от 5 декабря 1857 г.⁷⁶

«Для печати у меня наготовлено на добрых две книги: только перепиши, да и в типографию; но я и с этим не спешу...»⁷⁷, — сказано в другом послании тому же адресату (26 января 1858 г.).

Кулиш, однако, имел свой план. Отвечая Шевченко на последнее из цитированных нами писем, он выдвинул такую программу действий: «У меня есть переписанные «Кобзарь» и «Гайдамаки». Если бы кто-то провел их через главное правление цензурное, тогда б уже цензор добавку какую хочешь без правления прочитал бы, да и издать бы хорошо книжку: «*Думы, песни и поэмы Шевченко*»⁷⁸.

Таким образом, Кулиш советовал добиться сначала разрешения на переиздание уже печатавшегося, запрещенного после ареста в 1847 г. Освобождение произведений из «цензурного плена» должно было происходить постепенно, в несколько этапов.

Этот способ не сулил скорого исполнения заветного желания Шевченко увидеть свою поэзию 1847—1857 гг. воедино собранной в новой книге. Тем не менее Шевченко такой план принял.

Приехав в Петербург 27 марта 1858 г., окунувшись в жизнь литературно-художественных кругов столицы, поэт уже 4 апреля записывал: «Каменецкий сообщил

мне все мои сочинения, переписанные Кулишом, кроме «Еретика». Нужно будет сделать выбор и приступить к изданию. Но как мне приступить к цензуре?»⁷⁹.

Как?.. Распростертых объятий он не ожидал. Шевченко хорошо понимал, что новое издание его произведений несомненно встретит сопротивление.

Так и получилось.

Освобождение из ссылки не снимало запрета на плоды творчества. Новый начальник III отделения В. А. Долгоруков решительно отклонял какие-либо мысли о воскрешении шевченковской поэзии. В составленной для него справке чиновники давали такие рекомендации: «Рядового Тараса Шевченку <...> уволить от службы, с разрешением пользоваться правами художника, которых он не был лишен при отдаче в военную службу, и с дозволением ему писать и рисовать, но под строгим наблюдением местных начальств и цензуры»⁸⁰. Рекомендации были достаточно жесткими. Однако и они, вероятно, показались Долгорукову «либеральными» и принимать их шеф не спешил. «Высочайшее запрещение» оставалось в силе.

А друзья действовали. 11 апреля 1858 г. Шевченко в «Дневнике» записал: «Поручил Каменецкому хлопотать в цензурном комитете о дозволении напечатать «Кобзаря» и «Гайдамаки» под фирмою «Поэзия Т. Ш.» Что из этого будет?»⁸¹. Уверенности в записи не чувствуется, хотя можно догадаться, что Д. С. Каменецкий — украинский фольклорист и этнограф, принявший живейшее участие в судьбе произведений Шевченко по возвращении его в Петербург, — уже имел к тому времени предварительные беседы с кем-то из знакомых ему чиновников Петербургского цензурного комитета.

Снова и снова препоной становилось III отделение. Скрепя сердце, автору пришлось обратиться с ходатайством непосредственно сюда.

Но тут неожиданным препятствием на пути к цели явилось известие о намерении опубликовать некоторые не печатавшиеся произведения Шевченко в одном из очередных томов книжной серии «Русская литература», выходившей в Лейпциге. Издание ее было связано с именем Ивана Гавриловича Головина — русского писателя-публициста, который, находясь в эмиграции, выпускал книги антимонархического направления, за что и был заочно приговорен к каторжным работам. От кого узнал о планируемом издании поэт, биографы не установили.

Возможно, кто-то показал ему объявление в четвертом томе серии — книжке Головина «Лекции о френологии» (1858): «Печатается продолжение собрания стихотворений Пушкина, Шевченки и др.» Объявленное издание вышло в свет в 1859 г. под названием «Новые стихотворения Пушкина и Шевченки» как восьмой том указанной серии. Из произведений Шевченко в него вошли «Кавказ», «Холодный яр», «Как умру, похороните», «Разрытая могила», «За думою дума летит-вылетает!..», «И мертвым, и живым...»

Как оказались за рубежом эти бесцензурные произведения — неизвестно. Конечно, пересылал их туда не автор — кому-кому, а ему публикация запрещенных стихов и поэм угрожала серьезными неприятностями и, прежде всего, тем, что надежды на новый поэтический сборник в России могли рухнуть.

Медлить не приходилось. И Шевченко предпринял встречный шаг: пришел к начальнику III отделения и предупредил его о том, что никаких рукописей Головину не передавал. В деле об этом сохранилась карандашная запись Долгорукова от 18 октября 1858 г.⁸²

Дальнейшее показало, что Шевченко поступил правильно. Долгоруков воспринял издательские намерения Головина как новый выпад против русской монархии. На карандашной записи от 18 октября есть помета: «Доложено Его Величеству. 19 октября». Значит, на следующий же день после посещения Тарасом Шевченко III отделения дело дошло до самого царя!

Визит оказался своевременным: он пресек возможные обвинения в связях между опальным поэтом и эмигрантом-антимонархистом. Этот же визит помог получить официальное разрешение на выпуск нового сборника. Несколько дней спустя, 27 октября, Шевченко обратился к Долгорукову с письмом, прося разрешения выпустить в свет те произведения, которые были опубликованы в сороковые годы. Шевченко ссылался на «естественное следствие» его «десятилетнего... отсутствия — бедность», на то, что разрешение печататься уже получили Костомаров и Кулиш, осужденные одновременно с ним и по тому же делу, что даже написанное эмигрантом Адамом Мицкевичем разрешено печатать в пределах империи. Разумеется, в официальном письме Шевченко вынужден был осудить те неопубликованные свои стихотворения, которые в свое время попали в рукописях в III отделение. «Прося Вас снять с моих книг запреще-

ние, я прошу только дозволить мне пользоваться литературными правами предшествовавшего царствования и постановлениями тогдашней цензуры, которая, как известно, была гораздо строже нынешней,— я прошу дозволить мне на старости лет иметь кусок насущного хлеба от моих молодых трудов, признанных цензурою безвредными даже и до благодетельного воцарения нашего великого монарха...»⁸³.

Так он должен был уговаривать-упрашивать, думая лишь об одном — о высвобождении из цепких пут папачей своего любимого детища.

Долгоруков повелел подготовить еще одну справку — о произведениях опубликовавшихся. Она появилась на свет 4 ноября 1858 г.⁸⁴ Отрицательного мнения в ней не содержалось. Однако Долгоруков поспешать не стал. В письме к М. А. Максимовичу (22 ноября 1858 г.) Шевченко сообщал: «Книжник Кожанчиков решил было печатать мои стихи, так шеф жандармов запретил. *Возмутительны*, говорит. Вот какая беда»⁸⁵.

Вокруг ходатайства поэта шла активная переписка. Сохранились ответы, посланные в III отделение из Главного управления цензуры и в ноябре⁸⁶ и в декабре⁸⁷. Лед как будто тронулся — сама цензура уже не возражала против того, чтобы Шевченко представил ей напечатанное прежде и даже новое.

Однако III отделение держало «Кобзарь» цепко. Конца «аресту» видно не было...

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

Не получая разрешения на издание поэтического сборника, Шевченко стал искать пути другие.

23 декабря 1858 г. он обратился к попечителю Петербургского учебного округа И. Д. Делянову, ведавшему и цензурным комитетом.

«Художник, отставной рядовой Тарас Григорьев сын Шевченко» писал: «Получив высочайшее соизволение для проживания в столице, но нуждаясь в дневном пропитании, покорно прошу Ваше превосходительство дозволить мне новое издание моих сочинений, напечатанных в царствование почившего в бозе государя императора Николая I, под заглавием «Кобзарь» и «Гайдамаки», которых экземпляры при сем прилагаются. Так как обе эти книжки составляют библиографическую

редкость, то позвольте просить, по миновении в них надобности, возвратить их мне»⁸⁸.

Как заявление было встречено? Ссылаясь на то, что с произведений Шевченко запрета не снято, комитет, не рассматривая книгу по существу, передал ее 27 декабря 1858 г. на рассмотрение Главного управления цензуры⁸⁹. Не стали рассматривать книгу поэта и тут. Помня о политических причинах запрета, оттуда в свою очередь написали... начальнику III отделения. Да, снова туда же⁹⁰. И все началось в том же порядке, что и в прошлый раз.

В. А. Долгоруков, получив запрос, опять пожелал иметь справку о произведениях поэта. Безымянный чиновник не промедлил: «При сем представляются: справка о Шевченке и извлечение из его сочинений»⁹¹. Главе отделения спешить явно не хотелось. Переписка напоминала игру, конца которой не виделось.

Однако достаточно было начальнику Главного управления Е. П. Ковалевскому получить указание — даже не письменное, а устное — о «рассмотрении со всею строгостью частным образом», как «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки», вместе с поэмой «Гамалия», оказались на столе у высокопоставленного цензора А. Г. Тройницкого.

Его отзыв был в целом доброжелательным. Единственным стихотворением, которое насторожило, стали «Думы мои, думы мои». Тройницкий усмотрел в нем глубоко спрятанный смысл, подчеркнув, что здесь «слишком горько высказывается скорбь автора об уничтожении казачьей вольности, над могилой которой, по словам его, Орел черный сторожем литает, и грусть его на чужбине, т. е. на севере России, по родине его, Украине»⁹². Отсюда вывод: «Эту песнь я полагал бы за лучшее исключить вовсе из второго издания поэм Шевченки: в ней нет почти особо предосудительных стихов, кроме разве вышеприведенных, но общая мысль ее враждебна слиянию Малороссии с Великороссией»⁹³. Полная безосновательность такого обвинения очевидна, того, что увидел в стихотворении Тройницкий, здесь нет; однако его требование надолго предопределило судьбу произведения: почти половина текста была запрещена и в печати не появлялась. Другие стихотворения и поэмы возражений не вызвали. Правда, в том же отзыве можно найти такой образец «словесной завесы», долженствовавшей оградить от возможных неприятностей: «... семь песен тем беспрепятственнее могут быть дозволены, по

моему мнению, к вторичному напечатанию, что встречающиеся в них ряды точек дают повод предполагать об исключении, при первоначальном цензуровании, стихов, содержавших предосудительные выражения или мысли»⁹⁴.

Отзыв имеет дату: 23 января 1859 г. Два дня спустя, просмотрев и одоблив его, Ковалевский отправил копию Долгорукову, в сопроводительном письме подчеркнув, что выводы Тройницкого разделяет.

На письме сохранилась резолюция начальника III отделения: «Передать завтра утром и представить в то же время справку о Шевченке, не вынимая ее из дела. 26 января»⁹⁵. Только после этого, еще и еще раз ознакомившись с делом, он дал ответ: «...к изданию напечатанных прежде сочинений художника Шевченко я со своей стороны препятствия не встречаю с тем, чтобы оные были вновь подвергнуты цензурному рассмотрению и чтобы при этом обращено было особенное внимание на поэму «Чигиринский Кобзарь»⁹⁶.

Ответ датирован 28 января.

Между прочим, он не содержит каких-либо ссылок на «монаршую волю», хотя «Кобзарь» был запрещен в 1847 г. «по высочайшему повелению», а, следовательно, только царь и мог запрет этот снять. Невозможно себе представить, чтобы Долгоруков осмелился разрешить новое издание только на свой страх и риск. Нет, на такое нарушение он не пошел бы никогда! Что же остается предположить? Только то, что какие-то указания, а, возможно, и право на свободу действий в этом вопросе Долгоруков получил еще во время доклада 19 октября 1858 года.

Получил — и более трех месяцев не отваживался им воспользоваться.

Получил — и не спешил освободить «крамольные» произведения из-под строжайшего ареста.

Для Шевченко принятие к цензурному рассмотрению его печатных книг было событием важным. Но подлинный замысел поэта был гораздо шире. В новом издании Шевченко жаждал напечатать и некоторые неизвестные читателю произведения — те, что родились в тяжкие времена неволи.

После того, как Петербургскому цензурному комитету было разрешено рассмотрение книжек «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки», а также поэмы «Гамалия», автор предпринимает еще один тактический ход.

Не позднее 28 апреля 1859 г. Шевченко вручает цензору С. Н. Палаузову взамен печатных изданий, которые были ему возвращены, рукопись под названием «Поэзия Т. Шевченко. Том первый». Кроме произведений из «Чигиринского Кобзаря и Гайдамаков», кроме поэмы «Гамалия», он включил в нее балладу «Утопленная», поэмы «Наймичка» и «Слепой» («Невольник»), «Давидовы псалмы», семь отрывков под общим названием «Отрывки из неоконченных и утраченных штук», среди которых — два отрывка из поэмы «Еретик», часть послания «И мертвым, и живым. . .», и ряд других.

В послании «К Основьяненко» и поэме «Тарасова ночь» Шевченко отважился возобновить немало строк, которые оказались исключены при издании «Кобзаря» 1840 г. — строк острых, с отчетливой политической направленностью.

Название рукописного сборника — «Поэзия Т. Шевченко. Том первый» — говорило о том, что автор видел в его выпуске лишь начальный этап своей борьбы с царской цензурой. Одобрив вот это — «том первый», она тем самым согласилась бы с его планом выпуска и тома второго, составленного преимущественно из произведений неопубликованных.

Рассмотрев рукопись, Палаузов дал в общем положительный отзыв, хотя и отметил некоторые строки и отрывки, подлежащие, по его мнению, изъятию или изменению. Рецензия заключала в себе скрытую, но целенаправленную полемику. Цензор, в сущности, отважился выступить против той оценки политической поэзии Шевченко, которую она получила в 1847 г. в III отделении. Палаузов писал: «Воинская слава Малороссии, перешедшая в народную думу и предание, составляет неотъемлемую собственность этой страны, признанную за ней самой историей. . . Сглаживать подобный колорит в произведениях литературных из опасения, чтобы не возбуждать местный патриотизм, было бы излишним опасением, потому что все доселе изданные малороссийские думы еще в большей мере пропитаны тем же духом. . .»⁹⁷.

Впрочем, тот же Палаузов, который в своей кратковременной цензорской деятельности не раз выступал против правительственной политики по отношению к литературе и потому в ноябре 1859 г. был уволен, отказался пропустить часть строк Шевченко, в том числе из послания «К Основьяненко», из стихотворения «Думы

мон, думы мон» и некоторых других, заявляя, что они «заставляют задуматься своей неопределенностью выражения и темнотою мысли»⁹⁸.

Мнение было весомым, но... не окончательным. Из Петербургского цензурного комитета все материалы снова пошли в Главное управление цензуры, ими вновь занялся уже известный нам Тройницкий; к сборнику он отнесся гораздо жестче, нежели Палаузов. Ограничиться исключением строк, отмеченных предшественником, Тройницкий счел недостаточным. «... Настоящая рукопись, по моему мнению,— писал он,— едва ли может быть разрешена к печати без значительных исключений»⁹⁹. Он счел необходимым изъятие сотен строк в ряде произведений, например, поэме «Гайдамаки», которая ранее особых его нареканий не вызывала, а вот теперь насторожила. Тройницкий потребовал снять все вступление, поскольку, по его словам, здесь «слишком сильно, до слез, выражается скорбь об исчезнувшем, былом времени гайдамачества»¹⁰⁰.

Общий вывод оказался противоположным выводу Палаузова. К изданию, заявил он, лучше разрешить не рукопись «Поэзия Т. Шевченко. Том первый», а те книжки, которые рассматривались ранее, то есть впервые выпущенные в сороковые годы.

25 июля Главное управление цензуры отклонило рукопись «Поэзия Т. Шевченко. Том первый», разрешив лишь новое издание книжек «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки», «Гамалия», причем с вычерком строк и в стихотворении «Думы мои, думы мои», и в «Гайдамаках».

Надежды поэта на выпуск сборника более широкого плана — первого тома своих произведений — не оправдались.

«КАК ЗОЛОТО ИЗ ОГНЯ...»

Непосредственно разрешить издание должен был, согласно принятому порядку, цензор, который, по поручению комитета, рассматривал рукопись раньше. Значит, в данном случае, Палаузов. Но именно в это время над ним сгустились тучи. Шевченковское дело перешло к Д. И. Мацкевичу. Случилось так, что сей цензор внезапно умер. Произведения оказались у В. Н. Бскетова, и наконец давно ожидаемая подпись была получена. Это произошло 28 ноября 1859 г.

В книге «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки» в одном переплете с «Гамалией», которую Шевченко снова доставил в комитет, синий карандаш цензора вычеркнул большой кусок текста «Думы мои, думы мои», всю вступительную часть «Гайдамаков», еще две строки в ней же. Чтобы в типографии не своевольничали, Бекетов предупредил: «При сем считаю нужным заметить типографии, чтобы зачеркнутых мест не печатала»¹⁰¹.

Отклонение рукописи «Поэзия Т. Шевченко. Том первый» лишило автора возможности издать свои произведения в новой редакции. Он вынужден был вернуться к печатному тексту. Однако Шевченко сделал иначе: получил согласие Бекетова на то, чтобы оригиналом для набора служили соответствующие листы рукописи несостоявшегося «Тома первого» с условием исправления — согласования текста с санкционированными цензурой печатными книжками. Для этого рукопись «Поэзия Т. Шевченко» пришлось расшить.

30 ноября 1859 г. рукопись была выдана «в типографию Кулиша»¹⁰². В последний день Каменецкий писал Шевченко: «Будьте добры, Тарас Григорьевич, начните читать вот эту корректуру до завтра и верните <...>, а в понедельник или во вторник и начнем печатать»¹⁰³. В письме идет речь о донaborной рукописи нового издания. В нее был внесен ряд произведений, которые в прежние книги не входили (баллады «Порченная» и «Утопленная», поэма «Наймичка», стихотворения «Течет вода в сине море», «Ветер буйный, ветер буйный», «Тяжко, тяжело жить на свете» и другие), а печатались только в альманахах. Таким образом, Шевченко все же добился, что в новый «Кобзарь» попало подавляющее большинство произведений, включенных им в сборник «Поэзия Т. Шевченко. Том первый». Не вошли только поэма «Невольник», «Отрывки из неоконченных и утраченных штук» и стихотворение под криптограммой «NN».

Пытался Шевченко включить в «Кобзарь» и стихотворение «Марку Вовчку» — в виде посвящения книги популярной украинской писательнице.

Недавно за рекой Уралом
Скитаясь, небо я молил,
Чтоб наша правда не пропала,
Чтоб наше слово несмолкало;
И вымолил. Господь явил
Тебя нам, кроткого пророка
И облщителя жестоких
И ненасытных. Свет ты мой!

Моя ты зоренька святая!
Моя ты сила молодая!
Гори, сияй и надо мной,
И сердце оживи больное,
Усталое, немолодое,
Голодное... и оживу
И думу вольную на волю
Из гроба к жизни воззову,
И думу вольную... О доля!
Моя ты дочь! Поборник воли!
Твоею думу назову.

(Перевод И. Воробьевой)

Бекетов стихотворение к печати разрешил, но с несколькими существенными исключениями, что, вероятно, и заставило поэта отказаться от мысли о его публикации. То, ради чего посвящение затевалось, цензор счел «неудобочитаемым».

В наборный экземпляр «Кобзаря» 1860 г. листы из рукописи «Поэзия Т. Шевченко. Том первый» вошли в ином порядке и получили новую пагинацию рукой Каменецкого (черными чернилами). Кроме того, Каменецкий сделал в рукописи специальные пометы для наборщиков об отбивках в тексте. Он сличил рукописный текст с разрешенным печатным, зачеркнул красным карандашом изъятые цензором строки в послании «К Основьяненко», поэме «Тарасова ночь» и других произведениях. Зачеркивая рукописные, то-есть более поздние, улучшенные варианты шевченковского текста, он вписывал варианты ранние, восстанавливал стихи и целые отрывки, изъятые поэтом по соображениям идейно-творческим.

Такая правка была, конечно, вынужденной. Но использование в качестве оригинала для набора будущего «Кобзаря» листов рукописи «Поэзия Т. Шевченко. Том первый» создавало возможность (и поэт на это рассчитывал) хотя бы частично сохранить вновь сделанное. Вопреки требованиям цензуры некоторые новые авторские варианты (и немало!) действительно удалось до читателя довести, больше всего — в поэме «Гайдамаки».

Каменецкий помнил о главном: чтобы вышла новая книга в возможно лучшем виде. Правка, сделанная его рукою, показывает, что он понимал дух шевченковской поэзии, стремился сохранить ее яркую самобытность и политическую направленность. Он проявил себя как истинный друг поэта. Исправления непременно согласовывались с автором.

В некоторых случаях Каменецкий брал на себя и функции редактора. Вот как поправлены, к примеру, стихи послания «К Основьяненко»:

Наша дума, славослови,
Не умре, не загине*.

Первая строка в наборной рукописи изменена: «Наша дума, наша пісня»**. Так эта строка в «Кобзаре» 1860 г. и напечатана. Этот вариант еще в 1846 г. предложил Кулиш.

Печатался новый сборник в типографии П. А. Кулиша под наблюдением того же Каменецкого, ею заведовавшего. Во время поездки Шевченко летом 1859 г. на Украину деньги на новое издание ему предложил взаимны богатый сахарозаводчик Платон Федорович Симиренко, которому было лестно прослыть среди земляков меценатом. Шевченко, находившийся в затруднительном положении, это предложение принял. 26 ноября, обращаясь к Симиренко, он писал: «Издание будет стоить 1100 рублей. Если вы согласитесь получить ваши деньги экземплярами книги, для меня это будет легче. Если же деньгами, то я не обещаюсь вам уплатить ближе году с десятым процентом... Книга выйдет из типографии к Новому году»¹⁰⁴.

От поисков нового названия Шевченко отказался. Сборник вышел в свет под прежним именем: «Кобзарь».

Автор ожидал, что книга будет издана к наступлению 1860 г. Эту дату он несколько раз указывал в письмах к П. Симиренко, В. Шевченко и другим. Даже за три недели до Нового года, 7 декабря 1859 г., поэт пишет Варфоломею Шевченко: «К Новому году выйдут печатные мои сочинения (не все)»¹⁰⁵.

Печатание «Кобзаря» было закончено в конце декабря — начале января. Однако выход книги задержался до последней декады января. Причина задержки проясняется в письме Н. Я. Макарова к Марко Вовчок от 14 января. «Стихотворения Шевченко уже напечатаны, — писал Макаров, — выход их в свет останавливается тем, что портрет поэта еще не готов»¹⁰⁶.

Билет на выпуск «Кобзаря» в свет был выдан Бекетовым 23 января 1860 г.¹⁰⁷. Книга вышла с портретом работы М. И. Микешина, гравированным Е. Гогенфель-

* Наша дума, славослови,
Не умрет, не пропадет.

** Наша дума, наша песня.

Портрет Т. Г. Шевченко, помещенный в «Кобзаре» 1860 г.

деном, тиражом 6050 экземпляров. Это единственное издание, принесшее автору сравнительно крупный гонорар.

Некоторые отрывки, изъятые цензурой, Каменецкий предусмотрительно напечатал на отдельных небольших листочках, которые были вклеены в немногие экземпля-

ры «Кобзаря» 1860 г. вместо точек, обозначавших купюры. Делалось это, как можно предположить, по настоянию самого Шевченко.

Сошлемся на воспоминания современника — Ф. И. Дейкуна-Мочаненко, полтавского помещика, который в этот период служил в Петербурге и активно участвовал в жизни столичного украинского землячества.

«Бывши в 1860 г. в Петербурге,— писал он,— я зашел в типографию Кулиша; через некоторое время быстро вошел туда Шевченко и торопливо спрашивал:

— А что, готово? Готово?

— Готово,— отвечали ему и подали несколько листов с напечатанными стихами.

На вопрос мой: «Что это такое?» покойный Каменецкий, заведовавший тогда типографией Кулиша, объяснил, что это не пропущенные цензурой места из «Катерины», для наклейки в экземплярах, предназначенных для поднесения некоторым высокопоставленным лицам, между прочим, бывшему тогда министру народного просвещения Ковалевскому. Я выпросил и для себя такой листок и наклеил его в своем экземпляре»¹⁰⁸.

Намерение поэта поднести «Кобзарь» с вклейками самому министру, ведавшему цензурой, было вызвано, конечно, отнюдь не чиновничеством.

Между прочим, упомянутый Дейкуном-Мочаненко его собственный экземпляр «Кобзаря» сохранился. В свое время владелец подарил его библиотеке гимназии в Лубнах, потом он принадлежал центральной библиотеке Лубенского округа, далее сменил еще ряд мест хранения, пока не обрел постоянный адрес: Институт литературы имени Т. Г. Шевченко АН УССР, Отдел рукописей, фонд № 1. Здесь, под номером 534, и находится эта бесценная книга. Три наклейки на печатных страницах содержат строки 460—467, 533—543 и 544—554 поэмы «Катерина».

Это строки, отсутствующие во всех прижизненных изданиях «Кобзаря».

В экземплярах, подаренных автором писательнице Марко Вовчок, братьям Лазаревским, Н. Тарновской и другим, изъятые строки вписаны от руки — или непосредственно с автографов поэта, или со списков-посредников; в том и ином случае — с ведома, согласия поэта.

История «Кобзаря» 1860 г. — один из ярчайших, драматичнейших эпизодов борьбы Тараса Шевченко за

право говорить с народом языком своей революционной поэзии, за возможность творить и бороться.

Даже в урезанном виде новый «Кобзарь» представлял собою важное событие не только в украинской литературе, но и в литературной жизни всей России. И на Украине, и в Петербурге прогрессивные круги страны с восторгом встретили поэта, оказывавшего огромное влияние на развитие всей демократической культуры.

Ярчайшим подтверждением этого стал изданный в том же, 1860 г. сборник «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов». На обложке экземпляра, подаренного автору (он хранится в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР), можно прочесть: «Тарасу Григорьевичу Шевченке от почитателя его таланта и переводчика и издателя его сочинений Николая Гербеля». Н. В. Гербель искренне любил шевченковскую поэзию, был знаком и дружен с поэтом еще с 40-х годов и не только сам переводил его поэмы, его стихи, но и воодушевлял на это других. В названный сборник вошли переводы А. Н. Плещеева, М. Л. Михайлова, Н. С. Курочкина, В. В. Крестовского, Н. В. Берга, Л. А. Мея, одиннадцать — Гербеля. Ему же принадлежала библиография опубликованных к тому времени произведений Шевченко и переводов их на русский язык. Потом русский «Кобзарь», пополняясь и совершенствуясь, выходил в свет и в 1869, и в 1876 гг.

«Как золото из огня, как младенец из купели, я выхожу теперь из мрачного чистилища, чтобы начать новый благороднейший путь жизни. И это я называю истинным, настоящим счастьем...»¹⁰⁹.

С полным основанием мог сказать такие слова Шевченко — несломленный и негибаемый поэт-боец «...Поэт совершенно народный», — заявил Н. А. Добролюбов¹¹⁰.

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ «КОБЗАРЯ»

ПОЭЗИЯ ПРОБИВАЕТ ПУТЬ

Да, многих писателей преследовал царизм, а все же судьба Тараса Шевченко — среди самых трагических. Особенно тяжело сказался самодержавно-полицейский гнет на его литературном наследии.

Более 240 стихотворений, баллад, поэм написано поэтом Украины, но в последнее прижизненное издание

«Кобзаря» вошло только... семнадцать. Между тем этот поэтический сборник был наиболее полным в сравнении с двумя предыдущими (1840, 1844). Лишь четырнадцатая часть созданного, выстраданного им в поэзии получила право быть опубликованной здесь и стать известной людям. Семнадцать... Это было почти все, что успел он напечатать до своего ареста в 1847 г. (не вошли «На вечную память Котляревскому», «Н. Маркевичу», «Тризна» и отрывок из драмы «Никита Гайдай»). За исключением поэмы «Наймичка» и «Псалмов Давидовых», в «Кобзаре» 1860 г. опубликована ранняя поэзия Шевченко, она не могла дать полного представления о его творчестве.

Само имя Шевченко находилось под запретом. В последний год ссылки стараниями друзей некоторые его произведения увидели свет. Но — анонимно. Так получили известность «Пустка» («Зачаруй меня, волшебник»), появившаяся в «Русском инвалиде», отдельные из «Псалмов Давидовых» и «Наймичка», опубликованные П. Кулишом.

Запретным оставалось это имя и после «амнистии». Возвратившись из ссылки, Шевченко дал в печать — и увидел опубликованными — некоторые свои лирические произведения («Вишневый садик возле хаты», «Сон», «Один другого вопрошаем», «И широкую долину» и др.). Но ни в «Русской беседе», ни в «Народном чтении» фамилия автора обозначена не была — в лучшем случае стояли инициалы.

Девять шевченковских стихотворений и отрывок (запев) из поэмы «Княжна» (под общим названием «Кобзарский гостинец», придуманным редактором) появились в альманахе П. Кулиша «Хата». Значимость этой публикации не только в том, что она была одной из немногих прижизненных, но и в другом: благодаря ей увидели свет несколько стихотворений более поздних лет, преимущественно 1847—1850 гг. Тут же оказались обнародованными «Доля» — 1858 г. и «Ой, на горе яр-хмель цветет» — из поэзии 1859 г.

Большинство творений поэта по-прежнему распространялось в списках. Только так могли обрести читателя стихи особенно острой революционной направленности. Для рукописных листов не существовало границ. Преодолевая всякого рода барьеры, в том числе межгосударственные, они попадали в руки, проникали в умы и сердца десятков, сотен людей — например, в Западной

Украине. Мы уже упоминали лейпцигское издание «Новые стихотворения Пушкина и Шевченки». Запрещенная к ввозу в Россию, книга попадала сюда нелегальным путем и в ограниченном количестве экземпляров. Зато в Галиции оно распространялась весьма широко — подтверждений тому немало.

Заметим кстати, что у самого Шевченко этой книги могло и не быть; во всяком случае, в составленной сразу после смерти описи личной его библиотеки такого названия нет.

До рокового марта 1861 г. большинство шевченковских произведений света так и не увидело. Поэт ушел из жизни, а его детища оставались под спудом — в рукописях, часть их со временем затерялась.

Рукописное наследие Шевченко — главный источник наших представлений о творчестве поэта. Только в советскую эпоху стало возможным соединение всего этого бесценного богатства. Именно тщательное его изучение сделало возможными академические издания собраний сочинений. Шевченковедением достигнуты большие успехи и в факсимильном воспроизведении сборников автографов («Три года», «Большая книжка», «Малая книжка», «Дневник», сохранившаяся часть рукописи «Поэзия Т. Шевченко. Том первый»), и в фототипном переиздании первых «Кобзарей». Теперь у каждого исследователя есть свой личный фонд «рукописей» Шевченко, над которым можно работать и вдали от мест, где заботливо сохраняется все, что собственноручно им написано. Характерно, что изданные в десятках тысяч экземпляров факсимильные издания разошлись мгновенно и заняли самые почетные места в библиотеках городов и сел, рабочих и колхозников. Это серьезное достижение издательств Украины.

Но вернемся к 1861 г. и обратимся к истории первых посмертных публикаций. Особая роль здесь принадлежала выходящему в 1861—1862 гг. в Петербурге журналу «Основа».

Шевченко возлагал на «Основу» большие надежды. В некрологе редакция отмечала: «В наших руках теперь находится драгоценное собрание неизданных его стихотворений, лично нам переданных поэтом при первой вести об осуществлении южнорусского вестника, и подлинный дневник Шевченка с 1857 по 1858 г., сообщенный нам близким его другом»¹¹¹. Речь идет о М. М. Лазаревском — ему в день именин 12 июля 1858 г.

подарил автор свой «Дневник». У этого же душеприказчика сохранялись «Большая книжка» и «Малая книжка».

70 произведений Шевченко пришло к читателю со страниц «Основы». Среди них не только переданные журналу автором, но и собранные самой редакцией. И собирательская, и публикаторская деятельность ее заслуживают доброго слова. Существенных отступлений от автографов в большинстве стихотворений нет. Это вовсе не означает, что редакторам не приходилось оглядываться на цензуру. Ее требования сказались и на выборе произведений для печати, и на полноте их публикации. Революционные произведения света увидеть не могли; только отдельные оказались напечатанными, но лишь после предварительного изъятия самых «уязвимых» мест.

«Основе» принадлежит честь частичного обнаружения «Дневника», некоторых образцов эпистолярного наследия Шевченко, а также драмы «Назар Стодоля».

Издание журнала прекратилось после выхода октябрьской книжки 1862 г. Всего собранного редакция опубликовать не смогла. Но и сделанное ею составляет целый этап в истории публикации шевченковских текстов.

«КОБЗАРЬ» 1867 ГОДА

Следующий этап публикации шевченковского поэтического наследия — «Кобзарь», выпущенный в 1867 г. в Петербурге. У этого издания своя история, и притом не короткая. Вскоре после смерти поэта инициативу выпуска нового «Кобзаря» взял на себя родственник покойного автора и доверенное лицо его наследников Варфоломей Шевченко. Готовить сборник он предложил П. Кулишу, однако тот отказался. Не без уговоров согласился на это М. Чалый.

Книгу намеревались издавать в Киеве. Но вскоре наступило разочарование. «...Цензура ощипала так, что из поэзии вышли шарады»¹¹², — писал В. Шевченко М. Лазаревскому 26 марта 1865 г. Месяц спустя, 25 апреля, он уведомлял того же адресата: «В Киеве настаивают издавать так, как пропустила цензура, не прибегая к цензорам других городов <...> Но я принял систему выжидательную и полагаю, что в самом деле лучше подождать немного...»¹¹³.

Решение было вынужденным и — закономерным.

Тем временем М. Лазаревский нашел другого издателя и редактора — им оказался Николай Иванович Костомаров, в прошлом участник Кирилло-мефодиевского общества. Издание решили выпускать в Петербурге. Его принял на себя книготорговец и издатель Дмитрий Ефимович Кожанчиков. В качестве корректора (и вообще помощника в работе над текстами) Костомаров привлек Григория Станиславовича Вашкевича, с этой работой уже знакомого.

За дело взялись увлеченно. Основными источниками «Кобзаря» 1867 г. стали прижизненные издания и публикации, затем — частично — тексты, опубликованные в «Основе», но, главным образом, «Малая книжка» и «Большая книжка», переданные редакторам М. Лазаревским.

Однако и на этот раз на пути издателей стеною встали политические условия времени. Рукописи можно было использовать далеко не в полной мере. В предисловии Костомаров сказал об этом не прямо, но достаточно ясно: «...Печатается теперь все, что можно было найти и напечатать; а то, что теперь не прошло через редакцию в печать, должно оставаться до иного времени»¹¹⁴.

«Кобзарь» 1867 г. — единственное в дореволюционной России издание Шевченко, шедшее без предварительной цензуры. Его редакторы Костомаров и Вашкевич сами определяли степень «лояльности» тех или иных произведений. В Петербургском цензурном комитете книга рассматривалась лишь перед выпуском в свет. Тревожась за ее судьбу, издатель Кожанчиков самолично изъясил «сомнительные места»; как оказалось, он убрал больше, чем потребовала цензура. Духовное ведомство не разрешило печатать «Псалмы Давидовы»; их пришлось изымать из уже отпечатанной книги.

Издать поэтическое наследие Тараса Шевченко в полном составе не удалось. Но сделать редакторы сумели многое.

Произведения, опубликованные самим поэтом, Костомаров и Вашкевич включили в сборник, руководствуясь «Кобзарем» 1860 г. и, в основном, в порядке, определенном автором. То, что было отсюда изъято цензорами, они восстановили по предыдущим прижизненным изданиям («Кобзарь» 1840 г., «Чигиринский Кобзарь и Гайдамаки»).

Печатая ранние произведения Шевченко на основе последнего прижизненного «Кобзаря», редакторы устра-

нили некоторые типографские ошибки, но большинство ошибок — в «Катерине», «Тарасовой ночи» и др. — осталось. Впрочем, наборного экземпляра «Кобзаря» 1860 г. у Костомарова и Вашкевича не было. И позднее, почти целое столетие, наборные листы этого издания оставались неизвестными. Ими пользовались только редакторы пражского издания 1876 г., но, скажем сразу, явно неудачно.

Отступая от принципа воспроизведения текстов по последнему прижизненному изданию, Костомаров и Вашкевич ряд произведений дали с посвящениями, которых в «Кобзаре» 1860 г. не было. Они взяли их из сборника 1840 г., как и два стихотворения, которых в книге 1860 г. нет: «Вечной памяти Котляревского» (на основе единственной прижизненной публикации в альманахе «Ластівка») и «Н. Маркевичу» (по альманаху «Молодик»). При этом редакторы не заметили, что в «Ластівке» стихотворение появилось с грубой ошибкой: его текст не был отделен от строк другого раннего шевченковского стихотворения — «Течет вода в сине море»; таким образом, два произведения они опубликовали как одно.

Произведения, напечатанные «Основой», Костомаров и Вашкевич воспроизвели по публикациям в журнале, сохранив во многих редакторские купюры и конъектуры. Но, хорошо зная, что царская цензура к журнальным публикациям проявляла большую придирчивость, чем к последующим перепечаткам, они восстановили авторский текст по «Большой книжке». Почти полностью, лишь без отдельных строк, напечатана в «Кобзаре» 1867 г. поэма «Петрусь»; в «Основе» ее дали без концовки, да и над текстом «поработали» изрядно.

Это была, по сути дела, первая попытка хотя бы частичного освобождения текстов Шевченко от искажений, вызванных требованиями цензуры.

И в других случаях редакторы стремились восстановить авторский текст. Так, в поэме «Марьяна-черница» они сняли правку, произведенную Кулишом, а строки, вынесенные им в примечания, возвратили в основной корпус произведения. Работа составителей во многом носила исследовательский характер.

Мы уже отмечали, что «Основа» не успела напечатать все имевшиеся в редакции произведения Т. Шевченко. Новый «Кобзарь» извлек из автографов поэта и дал читателям такие его творения, как «Варнак», «Ду-

мы мои, думы мои, самые родные», «Один другого вопрошаем», «Сам удивляюсь. Кто ответит», «Как чумаки, тащась в степях», «Если бы тебе досталось», «Из-за роши солнце всходит», «Марку Вовчку» и многие другие. Костомаров и Вашкевич первыми стали публиковать произведения, которые в «Малой книжке» были зачеркнуты и в «Большую книжку» не переписаны («О думы мои! О слава злая!», «Ну, что, казалось бы, слова», «Сычи» и т. д.). «Малую книжку» в «Основе» почти не использовали, и составители «Кобзаря» 1867 г., по сути дела, первыми определили истинное место этого источника в литературе.

Напечатать, повторяем, можно было не все. На каждом шагу приходилось убирать из публикаций политически острые места. 41 строка «выпала» из произведения «Иржавец», большие пропуски оказались в «Сне» («Горы мои высокие»), с купюрами вышли поэмы «Ведьма», «Марина», стихотворения «Мне, право, все равно...», «Когда мы были казаками», «Мы вместе некогда росли», «Как будто праведных детей» и другие.

Встречаются в издании конъектуры, свидетельствующие о разности взглядов автора и редакторов на образность языка и ритмическую организацию поэтической строфы. Всякий раз в таких случаях мы с новой силой убеждаемся в превосходстве Шевченко и как мастера точного, незатертого слова, и как поэта-новатора.

«Кобзарь» 1867 г. явился первым серьезным опытом изучения шевченковских текстов. Его редакторам пришлось готовить к изданию множество неопубликованных прежде произведений: 77 стихотворений и поэм впервые увидели свет только в этом сборнике. Автографы требовали вдумчивого прочтения, иногда сложной расшифровки. Автор писал для себя, и надо было приложить труд, изобретательность, прежде чем становились словами малоразборчивые буквы или неясные сочетания, устанавливались логические и образные связи. О том, насколько трудной оказалась эта работа, можно судить по оставшимся не исправленными ошибкам: в стихотворении «Меж скалами, подобно вору» вместо «на камені» («на камне») прошло «на калині» («на калине»), вместо «аби файда в руках була» («лишь бы файда в руках была») — «аби оранда». Искажениями оборачивались отступления от орфографии автографов — язык поэта нивелирования не терпел. Что касается размещения произведений, то и в первой, и во второй частях

сборника позднее обнаружили отступления от принятого хронологического порядка (вместе с поэзией сороковых годов оказались некоторые стихотворения конца пятидесятых, и наоборот).

185 произведений вошли в первый посмертный «Кобзарь». Многие еще оставались неизвестным читателю, но уже отчетливо вырисовался состав шевченковских сборников, способный выдержать придирки царской цензуры. В основу последующих петербургских и киевских изданий (1883, 1884, 1889, 1894 гг.) лег текст издания 1867 г. В шевченкиане он занял место важное.

В том же году увидел свет «Чигиринский Кобзарь на малороссийском наречии». Его выпустил И. Лисенков, решивший воспользоваться некогда приобретенным правом на те произведения Шевченко, которые вошли в первое издание, а равно на «Гайдамаки», купленные у автора еще в 1843 г. То была простая перепечатка. Она носила коммерческий, а не научный характер. В истории посмертных изданий поэта-революционера перепечатка упоминается только в связи с судебным процессом, который Лисенков вел против Кожанчикова.

В БОРЬБЕ ЗА ШЕВЧЕНКО

Мечта о «полном Шевченко» владела многими его почитателями.

Группа львовских семинаристов (Г. Рожанский, Г. Боднар и др.) задалась целью: на основе прежних публикаций, прижизненных и посмертных, отыскав то, что можно было найти в Галиции, дать читателю самое полное собрание всех шевченковских произведений.

Осуществленное во Львове новое издание содержало 216 произведений. Среди них были «Сон» («У всякого своя доля»), «Кавказ», «Завещание» и другие, которые в России тогда появиться не могли. В полном виде, без всяких сокращений, публиковались поэмы «Гайдамаки», «Неофиты», послание «К Основьяненко». В этом и состоит значение двухтомного сборника «Поезії Тараса Шевченка», вышедшего сначала в 1866—1869 гг. отдельными выпусками. По качеству же издание было совершенно дилетантским: составители помещали выявленное без всякой системы, нарушая элементарный хронологический порядок, пользуясь любыми, даже сомнительными, списками. Страницы выпусков

пестрят ошибками, описками, искажениями смысла. И все-таки, несмотря ни на что, оно во многом приблизило Шевченко к читателям Западной Украины.

Следующее издание шевченковских произведений было выполнено в середине 70-х годов на средства киевской «Старой громады». Редакционная работа над ним начиналась в Киеве. В распоряжении редактора Ф. К. Вовк (Волкова), тогда студента Киевского университета, кроме печатных текстов, были «Большая книжка» и «Малая книжка», автографы из сборника «Поэзия Т. Шевченко. Том первый», рабочий экземпляр «Кобзаря» 1860 г. с собственноручной авторской правкой, прижизненные списки, в том числе правленные самим поэтом. Но в Киеве издать его не удалось. Пришлось ориентироваться на Прагу. На этом этапе работу над текстами продолжил А. А. Русов, по профессии — статистик; он же и наблюдал за изданием.

В 1876 г. в Праге появился двухтомник под названием «Кобзарь». В первый том Русов включил воспоминания о Шевченко, написанные И. С. Тургеневым и Я. П. Полонским, во второй — воспоминания Н. И. Костомарова и М. И. Микешина. Они — ориентир при пользовании томами: в самом издании нумерации их нет.

В этом «Кобзаре» произведения Шевченко были систематизированы своеобразно: в первый вошли те, которые уже печатались в подцензурных изданиях, во второй — не публиковавшиеся в России или печатавшиеся там неполностью, с большими пропусками и искажениями. Некоторые («За думою дума летит, вылетает», «Проходят дни, проходят ночи») вошли в оба тома, но в различном виде. В двух редакциях напечатаны стихотворения «Считаю в ссылке дни и ночи» и поэма «Солдатов колодец»: в первом томе — в хронологически более поздней редакции «Большей книжки», во втором — в редакции «Малой книжки». По разным источникам было воспроизведено в одном и другом томе послание «Шафарику».

Надежда распространить первый том в России и на Украине оправдалась; разрешение на это помог получить поэт Полонский, в то время — член Главного управления цензуры.

У редакторов двухтомника были ценнейшие источники. Издание могло быть не только полнее всех предыдущих, но и выше их по научному уровню. Однако и Ф. В. Вовк, и А. А. Русов к такой задаче подготовлены

не были. Они недостаточно внимательно и критически отнеслись к источникам, к рукописным и печатным текстам. Много неточностей в первых публикациях ранее неизвестных читателю произведений («Мария», «Осии глава XIV», «Молитва», «И Архимед, и Галилей», «Саул», «Хотя лежачего не бьют» и других); неправомерные конъектуры оказались в стихотворении «Не греет солнце на чужбине»; кое-где редакторы «подправили» пунктуацию (исказив смысл отдельных строк стихотворения «Умре муж велий в власянице»); к трем поэтическим вариациям, объединенным в «Большой книжке» общим названием «Молитва», неоправданно присоединено стихотворение «Ненасытным очам».

Вовк и Русов, стремясь к наибольшей полноте авторских текстов (что само по себе похвально), иногда добивались «полноты» негодными средствами: «дополняли» совершенно законченные, окончательно обработанные редакции «Большой книжки» якобы «пропущенными» (а на самом деле автором отброшенными) строками из «Малой книжки». Произвольные вставки оказались в поэмах «Ведьма» и «Княжна», стихотворении «Цари» и др. Из неизвестного источника отсутствующий в автографе отрывок переключал в стихотворение «Саул».

Несмотря на недостатки издания (их можно отметить и больше), его роль в дореволюционной шевченкиане была значительной. Текст пражского «Кобзаря» лег в основу женевских изданий 1878, 1881 и 1890 гг., предназначавшихся для нелегального распространения. Важно до конца уяснить, как сложно протекал процесс освоения наследия Шевченко, выработка тех позиций, которые только и могли сделать поэта по-настоящему понятным, близким миллионам.

Дело «Основы» продолжил журнал «Киевская старина». В 80—90-е годы он опубликовал большие подборки шевченковских писем, его русские поэмы и повести. Стало реальным издание собрания сочинений, не ограниченного только поэзией. Инициативу проявили Общество имени Шевченко и Общество «Просвита» во Львове; редакционный комитет возглавил Е. М. Огоновский. В состав комитета вошел Иван Франко, и именно он наиболее настойчиво добивался, чтобы издание было полным, а по текстологической подготовке — научно-критическим.

Но сами условия Галиции не способствовали достижению такой цели. Разногласия внутри редакционного

комитета привели к его распаду. Огоновский решил выполнить работу один, но с задачей не справился. Львовский «Кобзарь» 1893 г. лишний раз убедил, насколько необходима подлинно научная подготовка таких изданий.

Нужно было делать решительный шаг вперед.

НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Полный «Кобзарь» стал реальностью только в условиях революционного подъема, охватившего всю Россию.

Его выпустили «Общество имени Т. Г. Шевченко для вспомоществования нуждающимся уроженцам Южной России, учащимся в высших учебных заведениях С.-Петербурга» и «Благотворительное общество издания общепользных и дешевых книг». Подготовил издание Василий Михайлович Доманицкий (Петербург).

Это было первое полное (для своего времени) собрание поэтических произведений Шевченко в России — оно содержало 217 стихотворений, баллад, поэм. Впервые в стране читатель получил не урезанные тексты поэм «Сон», «Кавказ» и других, впервые смог познакомиться с «Юродивым», «Марией», «Саулом» и т. д.

Разрешение на издание было дано 25 ноября 1905 г.; в свет новый «Кобзарь» вышел в начале 1907 г., в обстановке вырванной из рук самодержавия свободы печати.

Это объясняет главное.

В. М. Доманицкий стремился, прежде всего, к тому, чтобы весь текст был сверен с автографами. Готовя оригинал для набора, он сличал его с рукописными книжками, другими автографами, правленным поэтом рабочим экземпляром «Чигиринского Кобзаря и Гайдамаков» (включавшим и «Гамалию»), с присланными ему из Петербурга копиями автографов сборника «Три года», баллад «Лилея» и «Русалка», выявленных в архиве Департамента полиции — в фонде бывшего III отделения. По копиям, разысканным среди бумаг этого сурового ведомства, редактор впервые поместил в книге полный текст «Еретика», поэму «Сова», стихотворения «Маленькой Марьяне», «Девичьи ночи», «Три года», а в примечаниях — автографический текст так называемого «Седневского предисловия» к неосуществленному изданию «Кобзаря».

Доманицкий в своих поисках был неутомим. Когда часть текста уже печаталась, он ознакомился с некоторыми из автографов («Утопленная», «Н. Маркевичу»), находившимися в фондах Румянцевского музея в Москве, куда они поступили от издателя «Молодика» И. Бецкого. Выявив разночтения, редактор не преминул отметить их в примечаниях.

Внимательно вчитывался Доманицкий в рукописные списки М. А. Максимовича, Л. В. Тарновской, Г. Н. Честаховского, улавливал все различия, каждое расхождение. Тщательно сличал он тексты с прижизненными публикациями (не всеми), с посмертными первоизданиями. У него не было ряда материалов, которыми в свое время пользовались редакторы пражского «Кобзаря», в частности, правленного самим Шевченко рабочего экземпляра «Кобзаря» 1860 г., а также отдельных фрагментов рукописи «Поэзия Т. Шевченко. Том первый», но в целом опирался он на значительно более широкий круг источников, чем кто-либо из его предшественников.

Труд был огромным. Доманицкий показал себя настоящим исследователем. Достаточно увидеть, с какой уверенностью отбросил он произведения, которые приписывались Шевченко без оснований, и как осторожно подходил к «сомнительным» (стихотворение «Опять настало время злое» было им изъято, и в основном тексте «Кобзаря» 1907 г. его нет; но на завершающей стадии работы редактор убедился в своей ошибке и успел ее исправить, приведя фрагмент в примечаниях). Несомненна заслуга Доманицкого в установлении критически проверенной хронологии поэтических творений — произволу в этом деле он положил конец.

Доманицкий, правда, был не во всем последователен. Он недооценил сборник автографов «Три года», не разобрался в истории ряда текстов, кое-где допустил контаминации. Но ценность нового издания была признана сразу. Появились восторженные отзывы. Менее чем через год вышло издание второе, дополненное и частично исправленное благодаря новым разысканиям неутомимого энтузиаста. В короткое время он успел ознакомиться еще с некоторыми автографами и списками, почерпнув из них немало полезного, тотчас зафиксированного в издании 1908 г. Пополнилось оно и неизвестным ранее стихотворением — «Мы чванные, пустые люди».

Одновременно с Доманицким подготовку издания шевченковских произведений, по поручению филологической секции Научного общества им. Шевченко, вел Иван Яковлевич Франко. Двухтомник вышел в свет в 1908 г., собрав воедино поэтическое наследие Шевченко. Франко поддерживал тесную связь с Доманицким, и это было полезно для той и другой стороны. Издание, подготовленное Франко, оказалось шире—опубликованы стихотворная дарственная надпись «На память Штернбергу», русские поэмы «Слепая» и «Тризна», ряд произведений помещен в двух редакциях, сообщено значительно больше вариантов и т. д. Каноническим оно, однако, не стало — и, прежде всего, потому, что не воспроизводило аутентичного шевченковского текста. Тем не менее вклад выдающегося поэта Украины в изучение наследия Шевченко чрезвычайно весом.

В 1910 г. однотомник, а в следующем — двухтомник произведений Т. Шевченко издал в Петербурге В. И. Яковенко. Шевченковскую поэзию он дал в редакции Доманицкого, к тому времени умершего, дополнив однотомник (и первый том) вновь обнаруженным стихотворением «Ветер веет, повевает». Во второй том вошли драма «Назар Стодоля», русские поэмы «Слепая» и «Бесталаный» («Тризна»), «Седневское предисловие», автобиография, «Дневник», 157 писем, а также документальные (1847 г.) материалы III отделения о Шевченко. Издание стало шагом вперед в собирании шевченковских сочинений различных жанров.

Но наступила реакция, и редактору-составителю пришлось туго. Из «Кобзаря» 1910 г., первого тома 1911 г. и «Кобзаря», ранее выпущенного Доманицким, было вырезано около шести листов запрещенных текстов!

...Только победа Великого Октября принесла произведениям Тараса Шевченко свободу полную, свободу навсегда.

МОГУЧИИ И СВОБОДНЫЙ

В годы Советской власти шевченковедение развивается на новых началах — в условиях полного благоприятствования.

Тарас Шевченко обрел поистине безграничную аудиторию, и голос его свободно, во всю свою силу звучит на языках народов СССР, языках земного шара.

Сразу после Великой Октябрьской социалистической революции, навсегда освободившей поэта от пут царского произвола, развернулась работа по собиранию и публикации шевченковских материалов, прежде всего рукописей.

Сконцентрировать их решили на родной земле Тараса Григорьевича, в созданной здесь республиканской Академии наук. Первой «владелицей» этих богатств стала Комиссия новой литературы. Прошло немного времени, и возник академический Институт литературы, которому присвоено имя Т. Г. Шевченко.

Подготовка нового издания шевченковских произведений — совершенно свободного от цензурных искажений и редакторского произвола, действительно полного и действительно свободного, — стала одной из первоочередных задач коллектива советских исследователей.

Предстояло тщательное изучение сложной судьбы литературного наследия поэта, критический пересмотр великого множества рукописных и печатных источников, выработка принципов подачи основного текста и вариантов.

Все это требовало времени. Многочисленные издания первых лет Советской власти являли собою лишь перепечатки текста «Кобзаря», подготовленного В. М. Доманицким. Иногда издатели добавляли стихотворения, опубликованные позднее («Ветер веет, повеваает», «Кума моя и я», более полная редакция поэмы «Марьяна-черница»).

«Кобзари», вышедшие из типографии Г. Маркевича в Полтаве и Е. Череповского в Киеве, изданные «Днепрсоюзом», Госиздатом и другими киевскими объединениями в 1920—1926 гг., копировали лучший — но далеко не совершенный — образец дореволюционного времени.

Некоторые брали за основу прошлые издания, представлявшие поэзию Шевченко в виде препарированном. На страницах печати появились статьи, осудившие бездумное, нетребовательное отношение к публикации шевченковских текстов. Возраставший спрос на «Кобзарь» вновь напоминал исследователям об их долге.

Доманицкий, бесспорно, сделал многое, но текстологические и редакторские его принципы устарели, современным требованиям не отвечают, — к такому выводу пришли в своих статьях И. Я. Айзеншток и М. М. Новицкий, первыми в советское время занявшиеся сложными проблемами шевченковского текста.

Провозглашение новых текстологических основ, призванных исключить эклектизм текста, совсем молодые тогда ученые-энтузиасты подкрепили делом: однотомником 1925 г. с двойным названием «Поэзия. Кобзарь» (редактором был Айзеншток) и двухтомником 1927 г. «Поэзия» (под редакцией Новицкого).

Один из признанных авторитетов шевченковедения, поныне плодотворно работающий в науке, И. Я. Айзеншток положил в основу текста последние редакции произведений поэта. Установка на то, что такие редакции в наибольшей степени соответствуют авторской воле и потому заслуживают предпочтения, была научно оправданной и несомненно плодотворной. Но практически осуществлена она в однотомнике с излишней прямолинейностью: во всех случаях составитель-редактор искал хронологически последний автограф, порою даже отдавая предпочтение случайным, из числа тех, которые поэт раздаривал приятелям или записывал в альбомы. Зачастую не учитывалась конкретная история текста. В итоге на страницы однотомника проникли искажения, притом не единичные.

Михаил Михайлович Новицкий, немало лет отдавший шевченковедению, двухтомник строил на иных началах. Культа «последней редакции» для него не существовало. Исходной точкой он считал собственные редакторские указания поэта. Приложение их к его рукописному наследию открывало, по мнению Новицкого, единственный путь к созданию полного, научно безупречного «Кобзаря».

И этот путь был творчески полезным, но он тоже не привел к «абсолютному успеху».

Новицкий выполнил сплошной пересмотр всех известных к тому времени рукописных источников, критически выверил основные тексты, подверг их анализу. Несмотря на просчеты, в том числе неоправданное самовольство в собирании произведений по циклам, двухтомник 1927 г. стал заметной вехой на пути к освобождению произведений от искажений, конъектур и ошибок предыдущих изданий. Впрочем, ошибки просочились и сюда.

Уже в 20-е годы была сделана первая попытка академического издания. Задумывалось оно как восьми- и даже десятитомное. Вышли только два тома: сначала четвертый, с текстом «Дневника», а затем третий, с самой полной по тому времени публикацией писем Шевченко. Обширные комментарии в обоих томах свидетель-

ствовали о накоплении большого фактического материала о поэте-борце. Но выявили они и слабости тогдашнего шевченковедения, особенно в подготовке, критике текста.

Следующая попытка выпустить академическое собрание относится уже к 30-м годам. Принципы его организации характеризовал в своих статьях А. К. Дорошкевич. Он отметил существенные ошибки предшественников, однако в собственной попытке «новой организации шевченковского текста» оказался эклектиком, при выборе основного текста принцип нерушимости творческой воли автора нередко уступал место субъективно-вкусовым критериям.

Выдвинутые Дорошкевичем теоретические основы в известной мере отразились на тексте двух томов поэзии Т. Шевченко, вышедших в свет в 1935 и 1937 гг. под редакцией В. П. Затонского, А. А. Хвыли и Е. С. Шаблювского. На этих томах и оборвалась работа над академическим десятитомником.

Новый этап в истории шевченковского текста открыло Полное собрание произведений в десяти томах, включившее в себя также работы Шевченко-художника (тома VII—X).

Два первых тома (стихотворения, баллады, поэмы) вышли в свет в 1939 г.— к 125-летию со дня рождения поэта, следующие — уже после Великой Отечественной войны.

Одним из важнейших достижений этого академического десятитомника стала выработка критически установленного основного текста. Жизнь подтвердила плодотворность главных принципов советской текстологии — проникновения в замысел автора, изучения истории каждого произведения и установления последней творческой воли поэта. Хотя и не все удалось в полной мере (особенно это касается ранних поэтических произведений), успех в главном был очевиден.

Академическое издание охватило все наследие Шевченко, открыло читателю немало ранее неизвестных или не публиковавшихся его текстов — писем, фольклорных записей. Многие включены сюда впервые: фрагмент «За что мы любим Богдана», «Песня караульного у тюрьмы» (из драмы «Невеста»), 26 писем, план повести «Из ничего почти барин», «Букварь южнорусский» (воспроизведен путем фототипии) и др. Все произведения и письма сверены с автографами и прижизненными публикациями, что позволило уточнить текст.

Решена была проблема научной публикации художественной прозы, сохранены специфические особенности русского языка автора.

В десятитомнике опубликованы материалы к истории текста каждого произведения, все редакции и варианты, хотя и тут многое было спорным.

Научные споры, развернувшиеся вокруг издания, показали: довольствоваться достигнутым нельзя, невозможно. Работа над наследием Шевченко продолжалась, увенчавшись в 1963—1964 гг. — к 150-летию со дня рождения поэта — изданием Полного собрания сочинений в шести томах.

Первые два тома охватывают поэтические творения: I том — написанные в 1837—1847 гг., II том — в 1847—1861 гг. В предыдущем академическом издании первый том завершался циклом «В каземате»; в новом этот цикл открывает том второй. Тем самым более четко обозначено деление поэтических произведений на те, которые Шевченко создал до ареста, и те, которые родились в неволе, а также после десятилетней солдатчины. Конечно, учли, что сам Шевченко дважды переписал названный цикл в рукописные сборники своей «невольничьей музыки». Фрагмент «За что мы любим Богдана» оказался в конце первого тома, а не среди произведений, переписанных в сборник «Три года». Поэтическое наследие Шевченко пополнилось вариантами вновь отысканных автографов стихотворений «Сестре», «Я, глупый, размышлял порою», перевода «Плача Ярославны», многим существенным из новонайденных списков 50—60-х годов XIX века (И. Левченко и др.). Ценные находки были сделаны и в Киеве, и в Ленинграде, и в Москве.

В третий-четвертый тома вошли драматические произведения («Назар Стодоля», отрывок из драмы «Никита Гайдай») и повести, написанные в годы ссылки — русская проза поэта Украинны.

Обращение к автографам позволило разобрать слова и обороты, которые оставались не прочитанными, сделать уточнения в тексте.

Пятый том составляют дневник и автобиография Шевченко; тут же автобиографическое письмо к редактору журнала «Народное чтение» — остропублицистическое, антикрепостническое выступление, ставшее одним из важнейших первоисточников биографии автора «Кобзаря». Шестой том — письма и деловые бумаги Шевченко, предисловие к неосуществленному изданию «Кобза-

ря», рецензия «Бенефис г-жи Пиуновой...» и т. д. Примечания содержат варианты автографов, прижизненных публикаций, списков с собственноручной правкой поэта.

Шеститомник — издание академического типа. Но не строго академическое. Такое издание — впереди. Потребность в нем диктуется самой жизнью. Оно должно вместить в себя все, решительно все, написанное рукою Шевченко, дать полный свод материалов по истории всего текста и каждого произведения в отдельности.

Поиски нового, неизвестного продолжаются, и вот уже отысканы фрагменты рукописи «Поэзия Т. Шевченко. Том первый», которые позволяют по-новому подойти к ранним творениям поэта.

Нельзя считать решенной проблему принадлежности шевченковскому перу отдельных произведений.

Есть невыясненное, есть недоделанное — простор для исследований велик.

Исследования продолжаются.

Издания следуют за изданиями: научные и массовые, иллюстрированные и предельно простые, факсимильные и фототипные, книги-великаны и книги-малышки.

«Кобзарь» жив, он с нами, это одна из самых любимых книг миллионов.

КНИГА И ЧИТАТЕЛЬ

Путь «Кобзаря» — это не только история его изданий, но и, не в меньшей мере, история его читателя¹¹⁵.

Своего читателя поэт представлял вполне отчетливо. Живые его черты — черты второго «я» поэта, такого же, как он сам, убежденного демократа, — явственно ощущимы в авторских обращениях, да и во всем поэтическом строе лирических стихотворений, баллад, поэм Шевченко.

В кругу друзей и знакомых его произведениями восхищались еще до выхода «Кобзаря» в свет. Поэзия Шевченко находила отклик на родной ему Украине. До выхода первой книги он послал некоторые стихотворения в Харьков — старейшему украинскому писателю Г. Ф. Квитке-Основьяненко. И вот как писал тот о впечатлении, которое произвели на него эти, к сожалению, не сохранившиеся стихи: «...Господи милостивый! Се ж по-нашому... Читаю <...> волосся в мене на голові, що вже його і не багацько, та й те настовпужилося, а біля

серця так шось і щемить, ув очах зеленіє... Дивлюсь... Жіночка моя хусточкой очиці втира...» *

Выход первого «Кобзаря», а вслед за тем — и альманаха «Ластівка» расширил и углубил читательские впечатления.

Немало подтверждений тому находим мы в письмах и воспоминаниях современников. «Особенно хвалят журналы вышедший недавно «Кобзарь», — писал 24 мая 1840 г. И. И. Срезневскому учитель Полтавской гимназии, украинский поэт-романтик Л. И. Боровиковский ¹¹⁶ «... Необыкновенное дарование поэта Шевченка» отмечает в письме к тому же И. И. Срезневскому 26 августа 1840 г. другой украинский поэт — А. Л. Метлинский ¹¹⁷.

Живой и яркий рассказ о первой встрече с «Кобзарем» запечатлен в воспоминаниях издателя украинского альманаха «Сніп» (Харьков, 1841 г.) А. А. Корсуна о Н. И. Костомарове:

«Раз идем мы с Николаем Ив<анови>чем (Костомаровым.— *Авт.*) в собор на архиерейскую службу и заходим к Апарину в книжную лавку. Спрашиваем: нет ли чего новенького? Апарин подает тонкую книжечку — «Кобзарь». Мы присели на лавке, да и просидели не только обедню — и самый обед: всю книгу прочитали...

Это было что-то совсем особенное, новое, оригинальное. «Кобзарь» поразил нас! Не одних нас, а всех своих читателей. Даже величественный, блестящий (жалованный за девичий институт перстнями) генерал (профессор, а затем ректор Харьковского университета, известный украинский поэт П. П. Гулак-Артемовский.— *Авт.*) удостоил остановить меня на улице и передать свое восхищение Шевченком, который прислал ему свою книжку; а ведь Артемовский-Гулак был чем-то вроде Юпитера!» ¹¹⁸.

Экземпляры «Кобзаря» переходили из рук в руки и зачитывались до дыр. Об этом свидетельствовал тот же Квитка-Основьяненко И не только он.

В 1844 г., как вспоминал один из знакомых Шевченко, украинско-русский литератор А. С. Афанасьев-Чужбинский, «случай увлек» его на Кавказ и в Закавказье.

* «Господи милостивый! Это же по-нашему!.. Читаю<...> волосы у меня на голове, которых уже немного, и те поднялись, а у сердца так и щемит, в глазах зеленеет...Смотрю...жена моя платочком глаза вытирает...»

«Везде, где находил несколько украинцев, в кругу ли чиновников или в каком-нибудь полку, везде встречал я истрепанные экземпляры «Кобзаря» и «Гайдамак» и полное, искреннее сочувствие к их автору»¹¹⁹.

Печатных книжек не хватало, и произведения Шевченко стали переписывать. Списки распространялись во множестве экземпляров. И не только в столицах и на родной поэту Украине. Они «забрёдают» в Белоруссию, на Кавказ, пересекают границы...

Позже, когда Шевченко будет томиться в ссылке и даже простое упоминание в печати его имени станет невозможным, это чрезвычайно широкое бытование произведений поэта во множестве списков и рукописных подборок использует П. А. Кулиш, чтобы поместить в своих «Записках о Южной Руси» поэму Шевченко «Работница» («Наймичка»). Публикуя ее как произведение «неизвестного» автора, он в «предисловии издателя» скажет, будто обнаружил поэму «в затасканном и весьма неправильно исписанном альбоме какой-то уединенной мечтательницы, а может быть и веселой подруги целого общества сельских красавиц...»¹²⁰.

Мистификация удалась, поэма беспрепятственно появилась на страницах сборника. Интересно, что сам Шевченко, по-видимому, поначалу был склонен принимать мистификацию Кулиша за чистую монету. Во всяком случае в письме к П. А. Кулишу 5 декабря 1857 г. он, благодаря за «Наймичку», просил: «Не найдешь ли у паночки хуторяночки в альбоме моего «Ивана Гуса?»¹²¹.

Не только в середине 50-х годов, но и раньше, с начала 40-х, произведения Шевченко нередко встречались в альбомах «панночек-хуторяночек», и не только их.

Как тут не отметить, что женщины из помещичьих семейств на Украине, обычно не выезжавшие из своих имений, были теснее связаны с украинским народом и национальной культурой, чем мужчины. Метким представляется наблюдение А. С. Афанасьева-Чужбинского, писавшего в своих воспоминаниях, что именно «между женщинами этих семейств начиналось стремление к национальной литературе; они наперерыв читали «Кобзаря» Шевченка, изданного в Петербурге... В то время, кроме «Энеиды» Котляревского, которую девицам читать не давали, на украинском языке были уже: повести Квитки, «Полтава» и «Приказки» Гребенки, имелись везде рукописные сочинения Гулака-Артемовского, но все это читалось как-то вяло высшим кругом. Появление

«Кобзаря» мигом разбудило апатию и вызвало любовь к родному слову»¹²².

Шевченко, однако, не давал себе обмануться подобным энтузиазмом. После поездки на Украину в 1843 г., глубже познав истинную суть украинского панства, он в одном из ярчайших своих политических произведений периода «трех лет» — послании «И мертвым, и живым» дал этому панству и его увлечению национальной романтикой, поверхностным, показным украинофильством ясную и резкую оценку. Принципиальные расхождения между поэтом и его читателями из помещичьего лагеря проявлялись все острее.

Но был у «Кобзаря» и иной — главный читатель. Очень скоро (поначалу преимущественно через панские «покои и предпокои») стили Шевченко попадают в народную массу, в крестьянскую среду, воспринявшую «Кобзарь» как выражение собственных дум и чувств. В народе сразу же возникают песни на слова Шевченко, их начинают петь, и так — песней народной — они распространяются все шире. Прибыв в 1843 г. на Украину, Шевченко услышал, как крестьянские девушки поют на мотив народной песни отрывок из его «Катерины». Первыми «композиторами», «озвучившими» произведения Шевченко, положившими их на музыку, были простые, неграмотные украинские крестьяне, которым стихи поэта были органически близки своим духом, своей песенно-музыкальной формой. Через десять-пятнадцать лет после появления первого «Кобзаря» народ уже пел немало песен на его слова: «На что черные мне брови», «Тяжко, тяжко жить на свете» и другие. Бытовавшие в песенном репертуаре народа шевченковские строфы и целые стихотворения в 50—60-х гг. XIX в. попадают в сборники Л. Плюсайкевича, А. Едлички, С. Карпенко и других.

В середине 40-х годов появляется у Шевченко читатель-демократ, читатель, которого волнует общественно-политическое развитие страны, освободительное движение. Он относится к поэзии восторженно, но не эстетически любит ее, а, думая о доле народной, ищет у поэта ответы на самые острые вопросы. Среди этих читателей расходятся в рукописных копиях потаенные произведения Шевченко — «Сон», «Кавказ», «И мертвым, и живым», «Холодный Яр», «Завещание» («Как умру, похороните») и другие. Их читают в семье участника декабристского движения А. В. Капниста, в частности на вечерах его дочери в Полтаве. Многие списки были

отобраны во время арестов кирилло-мефодиевцев; политическая поэзия Шевченко оказала несомненное влияние на умонастроения левого, революционно-демократического крыла Кирилло-мефодиевского общества. Глубокий интерес к личности и поэзии Шевченко питают петрашевцы Н. А. Момбелли, Р. Р. Штрандман, а также А. И. Макшеев, А. В. Ханыков и другие передовые представители своего времени.

Н. А. Момбелли, который встречался с Тарасом Григорьевичем у Е. П. Гребенки и знал, что Шевченко, по единодушным отзывам знатоков украинского языка, «истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением», когда разнеслись слухи о его аресте, в своем дневнике записал: «...Шевченко, говорят, написал на малороссийском языке в стихах воззвание к малороссиянам и отдал его какому-то французу Лесажу для напечатания в Лейпциге в большом числе экземпляров. На границе таможня остановила Лесажа, и при обыске нашли воззвание за подписью Шевченко. Лесажа остановили, но он взял на себя поручение, не зная содержание стихов. Однако ж он был в сообщении о Шевченко...»¹²³.

Этот обросший досужим домыслом о «французе Лесаже» слух, запечатленный дневниковой записью Н. А. Момбелли, основан на том, что за год с небольшим до ареста Шевченко написал свое пламенное послание «И мертвым, и живым», проникнутое революционно-освободительным пафосом. Послание широко разлетелось в списках. Его активная, хотя и потаенная, жизнь в читательской среде, видимо, и породила молву о нем как о «воззвании».

Восприятие поэзии Шевченко как призыва к борьбе отличает именно демократического, вольнолюбивого читателя. Многих либералов ее бунтарская сила пугала. Н. И. Костомаров вспоминал, как его «обдало страхом» от революционной музыки поэта. «Я увидел, — писал он, — что муза Шевченко раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и уповательно было заглянуть туда!!!»¹²⁴.

Круг читателей из демократической среды, из революционно-освободительного лагеря расширялся даже в самые мрачные годы ссылки поэта. Вырвавшись из десятилетней «незамкнутой тюрьмы», Шевченко собственными глазами увидел своего читателя и почитателя, остававшегося до тех пор собеседником воображаемым. Именно в эту пору его поэзия проникает в массы демо-

кратической молодежи, оказывая на нее глубокое революционизирующее влияние.

В начале 60-х годов, во время подавления крестьянских бунтов, нередко были случаи изъятия у их участников «Кобзаря», «Гайдамаков». Не лучшее ли это подтверждение того, что поэзия Шевченко все глубже проникает в массы крестьян и принимается ими на вооружение?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Да, у великой книги и судьба великая.

Только несколько страниц ее истории прошло перед читателями — страниц, воссоздавших невероятные трудности рождения «Кобзаря», подготовки и выпуска изданий прижизненных, а также тех, которые сквозь рогатки властей прорывались к людям в дореволюционные годы, неся им тепло большой души, пламенное, зовущее слово Тараса Шевченко.

В музеях, в других хранилищах бесценных богатств культуры бережно хранятся первые шевченковские книжки, которые держал в руках он сам; на титульных листах «Кобзаря», «Гайдамаков», «Тризны» можно увидеть и прочесть дарственные надписи с именами друзей-доброжелателей. Это священные реликвии народа.

Такие же реликвии — экземпляры, которые были с рабочими на баррикадах 1905—1907 годов, с теми, кто шел на штурм твердынь самодержавия в Великой Октябрьской социалистической революции, сражался с белогвардейцами и интервентами в период гражданской войны, строил первые гиганты пятилеток, дрался не на жизнь, а на смерть в огне Отечественной войны.

Людская память, документы и воспоминания хранят множество примеров того, как книга поэта-революционера помогала бороться и побеждать.

Майор Д. А. Коваль, преподнося Павлу Тычине второй том «Кобзаря», изданного Академией наук УССР к 125-летию со дня рождения Шевченко, писал, что этот том был спасен одним из бойцов его пехотного батальона во время отступления в августе 1941 года, находился с пехотинцами во всех их боях-походах, прошел путь от Сталинграда до Балканских гор. Книгу зачислили в список батальона и в час переключки спрашивали:

— Тарас Григорьевич Шевченко есть?

— Есть! — отвечал Д. Коваль, боевой советский офицер.

Сколько таких примеров дает жизнь!

Слова Тараса Шевченко звучат на десятках языков. Сто языков мира повторяют его призыв, выраженный в «Завещании». Призыв, который будоражит сердца людские в Европе и Африке, в Азии и Америке, в далекой Австралии. Бессмертная книга сопутствует сильным в ледовых плаваниях и космических полетах. И сегодня Шевченко не просто «успокаивает слух», но и борется со всеми проявлениями неправды, несправедливости, социального зла.

Так будет всегда. Истинно великое — бессмертно вовек!

«Кобзарь» продолжает свой путь.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ П. М. — с. Эпизоды из жизни Шевченка. — «Вестник Юго-Западной и Западной России», 1863, т. IV, кн. 10 (апрель), с. 32—34. «П. М — с» — криптоним П. И. Мартоса.
- ² Данилевский Г. П. Украинская старина. Харьков, 1866, с. 275.
- ³ «Наше минуле», 1918, № 2, с. 48.
- ⁴ См.: Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Отдел рукописей, ф. 341 (П. А. Картавова), № 443. Ныне рукописный оригинал альманаха «Ластівка» находится у М. Н. Зозули. Шевченковская правка басни П. Писаревского «Собака и Вор» приведена в кн.: «Збірник праць двадцяті наукової шевченківської конференції». Киев, «Наукова думка», 1964, с. 92—93.
- ⁵ Заметки Нового поэта. — «Современник», 1861, № 3—4, с. 154. «Новый поэт» — псевдоним И. И. Панаева. См.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. М., ГИХЛ, 1950, с. 103.
- ⁶ Центральный государственный исторический архив СССР (далее — ЦГИА СССР), ф. 777, оп. 27, № 204, л. 7 об. — 8. Те же данные, но без указания на выдачу рукописи из цензурного комитета, — в реестре за март 1840 г., представленном Петербургским цензурным комитетом в Главное управление цензуры (ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, № 1298, л. 161).
- ⁷ Никитенко А. В. Дневник, т. 1. М., Гослитиздат, 1955, с. 244.
- ⁸ Шевченко Т. Повне зібрання творів у шести томах. Киев, Вид-во АН УРСР, 1964, т. 6, с. 20.
- ⁹ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 272, л. 14. Идентичным документом, содержащим те же данные, является «реестр печатных книг» за апрель 1840 г., представленный 20 мая 1840 г. Петербургским цензурным комитетом в Главное управление цензуры (ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, № 1299, л. 38 об.).
- ¹⁰ Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (ИРЛИ), Отдел рукописей, ф. 488 (Н. А. Маркевича), № 62.
- ¹¹ Меженко Ю. Невідоме видання «Кобзаря» 1840 року. — «Літературна газета», 1961, З. III, № 18, с. 2.
- ¹² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (далее ЦГАОР СССР), ф. 109, 1 экспед., оп. 5, № 81, ч. 19, л. 59.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ См.: Государственный музей Т. Г. Шевченко в Киеве (далее — ГМШ), А-52, л. 13—14 об.

- ¹⁵ Листи до Т. Г. Шевченка. 1840—1861. Упорядкування, передмова та примітки Л. Ф. Кодацької, Кневу, Вид-во АН УРСР, 1962, с. 51.
- ¹⁶ ИРЛИ, Отдел рукописей, ф. 488 (Н. А. Маркевича), № 39, л. 41 об.
- ¹⁷ Шевченко Т. Собр. соч. в 5-ти т., т. 4. М., «Художественная литература», 1965, с. 181. Русские и переведенные на русский язык тексты Т. Г. Шевченко приводятся дальше по этому изданию.
- ¹⁸ См. там же, с. 261.
- ¹⁹ См.: Лазаревский М. Ответ на статью П. М — са о Шевченке.— «С.—Петербургские ведомости», 1863, 18.IX, № 207.
- ²⁰ Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 39—40.
- ²¹ Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. Львов, 1910, с. 107.
- ²² Кирилюк Е. П. Т. Г. Шевченко и русская демократическая критика 40—60-х годов.— В кн.: Русско-украинские литературные связи. М., ГИХЛ, 1951, с. 108—127; Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1961, с. 69—75.
- ²³ Гайдамаки. Поэма Т. Шевченка. Спб., 1841, с. 7.
- ²⁴ См.: Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 260—261.
- ²⁵ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 205, л. 35 об.— 36.
- ²⁶ Там же. Те же данные — в реестре, представленном 30 ноября 1841 г. Петербургским цензурным комитетом в Главное управление цензуры (ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, № 1414, л. 116).
- ²⁷ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 205, л. 36.
- ²⁸ Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 260.
- ²⁹ Там же, с. 259.
- ³⁰ Там же, с. 261.
- ³¹ Там же.
- ³² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, № 1487, л. 1—2.
- ³³ Там же. См. также: ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, № 1289, л. 7—9.
- ³⁴ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 1, № 1487, л. 2.
- ³⁵ Никитенко А. В. Дневник, т. 1. М., Гослитиздат, 1955, с. 244.
- ³⁶ Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 262.
- ³⁷ Там же, с. 264.
- ³⁸ Там же, с. 265.
- ³⁹ «Судебный вестник», 1867, 10.XII, № 269, с. 1099.
- ⁴⁰ См.: Ашукин Н. Книгопродавец И. Т. Лисенков.— «Литературная газета», 1938, 10.IV, № 20, с. 6; Безъязычный В. Тарас Шевченко и книгопродавец Иван Лисенков.— «Книжная торговля», 1964, № 3, с. 34—36; Ивана Тимофеевича Лисенкова воспоминания в прошедшем времени о книгопродавцах и авторах.— В кн.: Калайдович К. Материалы для истории русской книжной торговли, Спб., 1879, с. 61—70.
- ⁴¹ «Северная пчела», 1842, 7.IV, № 77, с. 308.
- ⁴² Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 265.
- ⁴³ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 207, л. 4 об.— 6.
- ⁴⁴ См.: «Судебный вестник», 1867, 10.XII, № 269, с. 1099.
- ⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 276, л. 42 об.; ф. 772, оп. 1, № 1699, л. 7 об.
- ⁴⁶ См.: Кирилюк Е. П. Шевченко — видавець власних творів.— «Поліграфія і видавнича справа», вып. 10, Львов, 1974, с. 13—14.
- ⁴⁷ См.: ГПБ, Отдел рукописей, ф. 436 (И. Т. Лисенкова), № 23, л. 1.

- 48 Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 262.
- 49 Там же, с. 267.
- 50 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 207, л. 7 об. — 8.
- 51 Шевченко Т. Собр. соч., т. 4, с. 202—203.
- 52 Там же, с. 203.
- 53 Шевченко Т. Повне зібрання творів. Київ, Вид-во АН УРСР, 1964, т. 6, с. 29.
- 54 Бесталанний. Поэма Т. Шевченка.— «Маяк», т. XIV, 1844, № 4, с. 17—30.
- 55 «Т. Г. Шевченко. Документы та матеріали до біографії (1814—1861)». Київ, «Вища школа», 1975, с. 193.
- 56 Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., ГИХЛ, 1962, с. 108.
- 57 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 276, л. 19 об.; ф. 772, оп. 1, № 1698, л. 8 об.
- 58 Русские Пропилеи. М., 1916, т. 2, с. 262—263.
- 59 Листи до Т. Г. Шевченка, с. 26.
- 60 Позмы, повести и рассказы Т. Гр. Шевченка, писанные на русском языке. Киев, Издание редакции «Киевской старины», 1888, с. III.
- 61 Шевченко Т. Повне зібрання творів, т. 6. Київ, Вид-во АН УРСР, 1964, с. 312.
- 62 Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 18.
- 63 См.: Шевченко Т. Три літа. Автографи поезій 1843—1945 років. Київ, «Наукова думка», 1966 (послесловие чл.-кор. АН УССР Е. С. Шаблювского).
- 64 ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., оп. 5, № 81, ч. 1, л. 44.
- 65 Там же, л. 44—45.
- 66 ГМШ, А-52, л. 8—12 об.
- 67 ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспед., оп. 5, № 81, ч. 19.
- 68 Там же.
- 69 Там же.
- 70 Там же.
- 71 Там же, ф. 109, 1 экспед., оп. 5, № 81, ч. 1, л. 179 об.
- 72 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 44, л. 444—444 об.
- 73 Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, М., ГИХЛ, 1962, с. 291.
- 74 Шевченко Т. Мала книжка. Київ, Вид-во АН УРСР, 1963.
- 75 Тарас Шевченко. Собр. соч., т. 5, с. 197.
- 76 Там же, с. 413.
- 77 Там же, с. 423.
- 78 Листи до Т. Г. Шевченка, с. 125.
- 79 Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 218.
- 80 Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Отдел рукописей, ф. 1, № 422, л. 16.
- 81 Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 220.
- 82 ГМШ, А-52, л. 124—126.
- 83 Шевченко Т. Повне зібрання творів, т. 6, Київ, Вид-во АН УРСР, 1964, с. 294.
- 84 ГМШ, А-52, л. 134.
- 85 Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 442.
- 86 ГМШ, А-9, л. 2.
- 87 Там же, А-52, л. 135.
- 88 Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 443.
- 89 ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 49, л. 374.
- 90 ГМШ, А-52, л. 138.

- ⁹¹ Там же, л. 136.
- ⁹² Там же, А-9, л. 9.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же, л. 9—10.
- ⁹⁵ Там же, А-52, л. 139.
- ⁹⁶ Там же, А-9, л. 12.
- ⁹⁷ Там же, л. 16.
- ⁹⁸ Там же, л. 17.
- ⁹⁹ Там же, л. 23.
- ¹⁰⁰ Там же, л. 25.
- ¹⁰¹ Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, Отдел рукописей, ф. 1, № 76.
- ¹⁰² ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 219, л. 95 об.— 96.
- ¹⁰³ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 171.
- ¹⁰⁴ См.: Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 457.
- ¹⁰⁵ Там же, с. 459.
- ¹⁰⁶ Марко Вовчок. Твори. Киев, ДВУ, 1928, т. 4, с. 379.
- ¹⁰⁷ ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 27, № 291, л. 281; ф. 772, оп. 1, № 5157, л. 25.
- ¹⁰⁸ Каминский Ф. Еще щепотка на могилу Шевченка. — «Киевская старина», 1885, № 3, с. 521—522.
- ¹⁰⁹ Шевченко Т. Собр. соч., т. 5.
- ¹¹⁰ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., Гослитиздат, 1963, т. 6, с. 142.
- ¹¹¹ «Основа», 1861, № 4, вклеенный лист с некрологом Т. Г. Шевченко.
- ¹¹² «Радянське літературознавство», 1961, № 2, с. 115.
- ¹¹³ Там же, с. 116.
- ¹¹⁴ «Кобзарь» Тараса Шевченка. Коштом Д. Е. Кожанчикова, Спб., 1867, с. 5.
- ¹¹⁵ Вопрос о читательском восприятии «Кобзаря» поднимался еще до Октября (Б. Гринченко и др.). Из работ советских исследователей отметим доклад И. Я. Айзенштока Читатели «Кобзаря» на шевченковской сессии АН УССР в 1940 г. (Институт литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, отдел рукописей, ф. 1, № 573).
- ¹¹⁶ Боровиковский Л. Повне зібрання творів. Киев, «Наукова думка», 1967, с. 215.
- ¹¹⁷ «Харківська школа романтиків». Харьков, 1930, т. 2, с. 138.
- ¹¹⁸ Корсунов А. Николай Иванович Костомаров.— «Русский архив», 1890, № 10, с. 207.
- ¹¹⁹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. М., Гослитиздат, 1962, с. 80.
- ¹²⁰ «Записки о Южной Руси», издал П. Кулиш. Спб., 1857, т. 2, с. 147.
- ¹²¹ Шевченко Т. Собр. соч., 1965, т. 5, с. 413.
- ¹²² «Біографія Т. Г. Шевченка за спогадами сучасників», Киев, Вид-во АН УРСР, 1958, с. 44.
- ¹²³ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 174.
- ¹²⁴ Костомаров Н. Воспоминание о двух малярах.— «Основа», 1861, № 4, с. 48.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

«КОБЗАРЬ» 1840 ГОДА

5

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

5

ЗАГАДКА 115-й СТРАНИЦЫ

10

КНИГА—РЕЛИКВИЯ, КНИГА—РАРИТЕТ

18

«ГАЙДАМАКИ» «ЧИГИРИНСКИЙ КОБЗАРЬ
И ГАЙДАМАКИ»

24

«НАСИЛУ... ИХ УВЕРИЛ, ЧТО Я НЕ БУНТОВЩИК»
«ЧИГИРИНСКИЙ КОБЗАРЬ»

29

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ ПОЭМ «ГАМАЛИЯ»
И «ТРИЗНА»

34

ОКРУЖЕННОЕ ЗАГАДКАМИ

34

ПОЭМА О ДЕКАБРИСТАХ

36

ЗАПРЕЩЕНИЕ И ИЗЪЯТИЕ «КОБЗАРЯ»

41

КОБЗАРЬ ПОД СЛЕДСТВИЕМ

41

ПРИГОВОРАМ ВОПРОКИ

47

«КОБЗАРЬ» 1860 ГОДА

48

ЗАПРЕТ ОСТАЕТСЯ В СИЛЕ

48

В ПОИСКАХ ВЫХОДА

52

КАК ЗОЛОТО ИЗ ОГНЯ

56

ПОСМЕРТНЫЕ ИЗДАНИЯ «КОБЗАРЯ»

62

ПОЭЗИЯ ПРОБИВАЕТ ПУТЬ

62

КОБЗАРЬ 1867 ГОДА

65

В БОРЬБЕ ЗА ШЕВЧЕНКО

69

НА ГРЕБНЕ РЕВОЛЮЦИИ

72

МОГУЧИЙ И СВОБОДНЫЙ

74

КНИГА И ЧИТАТЕЛЬ

79

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

84

ПРИМЕЧАНИЯ

86

Большаков Л. Н., Бородин В. С. Путь «Кобзаря».
Б 79 Судьба книги Т. Шевченко.

М.: Книга, 1978. — 96 с., ил. — (Судьбы книг).

Брошюра о трагической и героической истории «Кобзаря» Т. Шевченко, рождении и издательской судьбе «мужицкой книги», ее запрещении и изъятии, распространении в многочисленных списках по России. Авторы рассказывают о роли «Кобзаря» в демократическом движении, о возрождении книги после победы Великого Октября, о переводах ее на многие языки мира.

Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей любимых книг.

002

Б $\frac{61001-087}{002(01)-78}$ 5-78

Большаков Леонид Наумович
Бородин Василий Степанович

ПУТЬ «КОБЗАРЯ»

ИБ № 283

Редактор Э. Б. Кузьмина
Художественный редактор Н. Д. Карандашов
Технический редактор Т. И. Шеленкова
Корректор Л. В. Петрова

Сдано в набор 3.03.78 г. Подписано к печати 3.07.78 г. А 02189
Формат бум. 84×108¹/₃₂ Типографская № 1. Литературная
гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,04 Уч.-изд. л. 5,10
Тираж 50 000 экз. Заказ № 666 Изд. 2208 Цена 20 коп.

Издательство «Книга», Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10

Московская типография № 10 Союзполиграфпрома
при Государственном Комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-114, Шлюзовая наб., 10.

20 коп.